

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Ф.И. ЩЕРБАТСКОЙ

*Избранные труды
по буддизму*

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1988

ББК 87.3

Щ 62

Перевод с английского

Составители и авторы биографического очерка

А.Н.ЗЕЛЕНСКИЙ, Б.В.СЕМИЧОВ

Комментарий и редакция переводов

В.Н.ТОПОРОВА

Ответственные редакторы

академик Н.И.КОНРАД,

член-корреспондент АН СССР Г.М.БОНГАРД-ЛЕВИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Федора Ипполитовича Щербатского (1866–1942) занимает одно из самых почетных мест в истории отечественной и мировой востоковедной науки. Его труды составили эпоху в буддологии и тибетологии, оказали и продолжают оказывать заметное воздействие на развитие современных исследований в этих областях ориенталистики.

Академик Ф.И.Щербатской был исключительно разносторонним ученым — филологом и философом, историком и текстологом, блестяще владел санскритом и тибетским языком, был глубоким знатоком литературы, науки, религии Индии, тонким эпиграфистом и палеографом. Ему принадлежат ряд превосходных работ по древнеиндийской поэтике, теории литературы, переводы исторических сочинений, но главным в творчестве Ф.И.Щербатского было исследование философии и логики древней Индии, прежде всего буддийской. Именно труды в этой области индологии и тибетологии в полной мере отражают основные черты научного наследия Ф.И.Щербатского. И закономерно, что в данное издание включены его работы по буддийской логике ("Введение" из двухтомного труда "Buddhist Logic"), нирване и дхарме.

Ученик выдающихся русских востоковедов В.П.Васильева, И.П.Минаева, С.Ф.Ольденбурга и известного австрийского индолога Г.Бюлера, Ф.И.Щербатской был одним из первых европейских ученых, приступивших к исследованию буддийской философии и логики на основе тщательного текстологического анализа оригинальных санскритских, а также тибетских текстов.

Уже в 1902 г. увидела свет его небольшая по объему, но исключительно глубокая по содержанию работа — "Логика в древней Индии". Развивая идеи В.П.Васильева, он вычленил три периода в развитии буддизма, но особое внимание уделил логике. Заслугой Ф.И.Щербатского явилось то, что обращение буддистов к логике он объяснил не только развитием самой буддийской мысли, но и изменением политической обстановки и сдвигами в развитии духовной жизни Индии в целом. По его мнению, в эпоху Гуптов, когда происходило возрождение брахманизма и гуптские правители оказывали ортодоксальным течениям особое покровительство, буддисты в своей полемике с брахманистами обратились к логике. Логика и диалектика, считал Ф.И.Щербатской, были тем оружием, которое направили буддийские философы про-

В данную книгу вошли три произведения выдающегося советского буддолога академика Ф.И.Щербатского — "Буддийская логика. Введение", "Центральная концепция буддизма и значение термина „дхарма“" и "Концепция буддийской нирваны". Эти работы ранее были изданы на английском языке и теперь впервые публикуются на русском языке.

Щ 0400000000-124
013(02)-88 КБ-56-1-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1988.

тив своих идейных оппонентов. Уже в этой ранней работе Ф.И.Щербатской выступил против мнения ряда западноевропейских ученых, согласно которому индийская логика зависела от греческой и унаследовала от нее многие характерные черты. "Индийская философия и логика развивались исключительно на индийской почве и представляли, — писал он, — результат самостоятельной работы индийского ума". Высказанные ученым идеи об этих этапах развития буддизма, о характере буддийской логики, о типологическом сходстве индийской и античной философии во многом определили направление последующих научных исследований Ф.И.Щербатского, были им более глубоко обоснованы и развиты в его капитальных трудах.

Международную известность Ф.И.Щербатскому принесла его двухтомная работа "Теория познания и логика по учению позднейших буддистов" (1903–1909).

Значение этой работы было весьма велико, особенно если учесть, что она была написана в период, когда изучение индийской логики лишь начиналось, а в западноевропейской науке нередко высказывались односторонние и крайне тенденциозные оценки духовного наследия древней Индии. Работа Ф.И.Щербатского была непосредственно направлена против европоцентристского подхода к исследованию индийской философской мысли, хотя русский буддолог и старался провести определенное сравнение индийской философии с европейской (в том числе с модной тогда в Европе философией Канта). Однако обращение к Канту было связано прежде всего с тем, чтобы показать, что многие идеи, разработанные философами древней Индии, в том числе известными буддийскими логиками Дигнагой и Дхармакирти значительно позднее и в иной историко-культурной среде, были высказаны западноевропейскими философами нового времени. Ф.И.Щербатского особо привлекала возможность выявить принципиальную разницу между философскими идеями древнеиндийских мыслителей и западноевропейских философов. Большой заслугой Ф.И.Щербатского явилось установление того факта, что у Дхармакирти логика изложена в связи с теорией познания. Это позволило ему прийти к важному выводу о влиянии логики на все системы индийской философской мысли. "Раскрыть в полном объеме, — писал он, — все значение Дхармакирти в истории индийской философии — значит написать историю индийской философии".

Уже в этой работе в полной мере проявился исторический подход Ф.И.Щербатского к исследованию процессов духовной жизни, что свидетельствовало о становлении материалистических взглядов ученого. В основе борьбы различных направлений в индийской философии он видел не противостояние разных концепций, а борьбу выразителей этих идей, столкновение социальных групп. "За кулисами борьбы философской, — писал он, — шла несомненно жизненная борьба людей: носителей этих идей". Другая важная мысль, которая пронизывает труд Ф.И.Щербатского, состояла в ут-

верждении тезиса о том, что споры, полемика и борьба различных школ в индийской философии отражают противоборство двух основных направлений — реалистического и идеалистического. Знаменательно, что уже в начале научной деятельности Ф.И.Щербатской уделил особое внимание изучению реалистических и материалистических тенденций в индийской философии, и эта тема стала затем объектом серьезного исследования ученого.

Благодаря труду Ф.И.Щербатского, опубликованному в самом начале XX в., и специалисты-индологи, и более широкие круги научной общественности впервые так полно и глубоко познакомились с достижением древнеиндийских логиков, с творчеством выдающихся мыслителей Индии — Дигнаги и Дхармакирти. Осознавая значимость введения в научный обиход новых памятников философской мысли древней Индии, Ф.И.Щербатской призывал к объединению усилий философов и филологов. Он понимал, что перевод ссанскрита и тибетского языка сочинений древнеиндийских философов станет важным фактором для выявления этого огромного вклада, который внесла древняя Индия в развитие мировой культуры, для борьбы с ложным утверждением о том, что будто бы лишь античная мысль определяла все богатство философских идей, поисков и достижений древней философии. "По нашему глубокому убеждению, — писал Ф.И.Щербатской, — только совместными трудами философов и филологов возможно будет рано или поздно настолько разработать необозримое пока богатство философской мысли, скрытое в древней буддийской литературе, чтобы ввести его в обиход современного образования и сделать имена Дигнаги и Дхармакирти настолько же нам близкими и дорогими, насколько нам близки и дороги имена Платона и Аристотеля или Канта".

Углубленная работа над санскритскими буддийскими текстами и их тибетскими переводами привела Ф.И.Щербатского к убеждению, что необходимо осуществить поездки в Монголию и Забайкалье для ознакомления с тибетской литературой и устной тибетской традицией, для изучения вопроса о культурном влиянии Индии в Центральной Азии. "Монголия, — писал он, — это живая Индия". Ф.И.Щербатской планировал организацию научной экспедиции в Тибет, но реализовать эти научные планы ему не удалось — царское правительство отказалось ему в поездке.

Для продолжения своих занятий тибетской литературой и языком Ф.И.Щербатской направляется в Забайкалье. В письме С.Ф.Ольденбургу (1907 г.) он особо подчеркивал важность изучения культуры этого региона для индолога. "Все, что происходит здесь, в Аге, есть, по всей вероятности, полнейшая копия того, что происходило в VII в. в Наланде. Влияние Индии перешло уже на фольклор... наряду с литературой мы имеем здесь саму жизнь, которую должны были бы по литературе отгадывать".

В том же письме С.Ф.Ольденбургу Ф.И.Щербатской вновь

возвращается к постоянно волновавшей его теме – всесторонне изучить культурное наследие Индии, чтобы показать огромный вклад ее народов в мировую цивилизацию, чтобы изжить традиционный взгляд, широко распространенный в науке того времени, на античность как на единственную колыбель древней культуры человечества. "Проанализировав всю буддийскую литературу, мы создадим такую философию, которая превзойдет, как более молодая, классическую, и вознесем Индию выше Греции и Рима, на что она имеет полное право".

Большое значение в творческой биографии ученого имела его научная командировка в Индию в 1910 г.

Следуя своему учителю И.П.Минаеву, Ф.И.Щербатской во время пребывания в Индии уделял специальное внимание, говоря его словами, "разысканию санскритских оригиналов тех сочинений, с которых были сделаны переводы на тибетский, китайский, монгольский языки", изучал подробно и джайные сочинения, чтобы полнее представить себе общий ход развития религиозно-философских течений Индии. Ф.И.Щербатской установил тесные научные контакты с крупными индийскими санскритологами, философами, буддологами и затем в течение многих лет поддерживал с ними добрые отношения, ведя оживленную научную переписку. Блестящее владение санскритом (с пандитами он даже вел диспуты на санскрите по сложнейшим доктринальным философским вопросам), многогранная эрудиция снискали ему глубокое уважение в самых различных кругах научной общественности Индии. В Калькутте пандиты присвоили ему почетное звание *tarka-bhūṣana* – "украшение логики" – как крупнейшему авторитету в этой области науки.

По возвращении на родину Ф.И.Щербатской, обогащенный новыми знаниями, целиком посвящает себя научной работе, совмещая ее с преподаванием индологических дисциплин в Петербургском университете. И буддизм, как и прежде, в центре его научных интересов. Наибольшее внимание он уделяет в этот период творчеству крупнейшего буддийского философа Васубандху, известного по традиции как "второй Будда". Понимая большую значимость труда Васубандху "Абхидхармакоша" для изучения буддизма, Ф.И.Щербатской предпринимает усилия для создания международного проекта по изучению и исследованию различных версий этого сочинения. Главной целью проекта было критическое издание всех известных тогда версий "Абхидхармакоши". Приятно отметить, что эти планы Ф.И.Щербатского сейчас успешно продолжают претворять в жизнь советские ученые.

Начиная с 20-х годов выходят главные, обобщающие труды Ф.И.Щербатского по буддизму.

Тесно связанный по воспитанию и образованию с традициями XIX в., Ф.И.Щербатской вместе с тем отразил в своем творчестве те научные открытия, которые принесли с собой 20-е годы нашего столетия. Он продемонстрировал не только блестящее знание философии, но и живой интерес к новым течениям в психологии, логике, точных науках.

Это позволило ему избежать судьбы ряда европейских и индийских ученых, которые оказались в плена традиционного подхода, и взглянуть на развитие индийской философии и логики с позиций общемировой философии, глазами человека XX в., перевести сложную систему буддийской мысли на знакомый ему язык европейской науки.

Изучение буддизма для Ф.И.Щербатского было подчинено главной цели – глубокому пониманию индийской культуры. При этом это был не чисто академический интерес кабинетного ученого, а общественный энтузиазм, стремление поднять на новый уровень индологию в СССР, укрепить сотрудничество и дружбу народов двух стран.

Важным событием и в творческой биографии Ф.И.Щербатского, и в развитии мировой буддологии стала его небольшая по объему, но исключительно емкая книга, посвященная выяснению понятия дхармы, "The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word Dharma" (London, 1923).

Европейская буддология не могла дать правильного ответа на вопрос о содержании этого понятия, опираясь лишь на южную традицию, основываясь на ранних палийских канонических текстах и рассматривая Будду только как моралиста. Философский аспект дхармы, ее значение в качестве элемента бытия оказывались вне поля зрения. Такой односторонний подход вел к искажению буддизма в целом, сводил эту сложную многообразную систему к простому религиозно-этическому и сектантскому учению, философское содержание которого имеет чисто исторический интерес. Ф.И.Щербатской детально проанализировал "Абхидхармакошу" Васубандху – сочинение секты сарвастивадинов. Он не случайно обратился именно к текстам этой секты, поскольку "эта школа, – по его словам, – одна из ранних, если не самая ранняя из числа буддийских сект". "...Изложение взглядов этой школы, – писал Ф.И.Щербатской, – дает нам наилучшую возможность исследовать действительное значение этого термина" (т.е. дхармы). Он пришел к выводу, что под дхармами следует понимать элементы бытия, единственную для буддистов реальность.

За шесть десятилетий, прошедших после выхода указанного труда, безусловно, понятнее стали история и доктрины различных школ северного и южного буддизма, но главные выводы Ф.И.Щербатского и сейчас так же значимы и весомы. Новое лишь подтвердило глубину его изысканий в области буддийской философии, правильность его взглядов на ее центральные категории, на историю и судьбы этого учения.

Следующим важным этапом буддологических исследований Ф.И.Щербатского явилось издание книги "The Conception of Buddhist Nirvāna (Leningrad, 1927)". Такого масштаба работу, по справедливому замечанию известного индолога ГДР Вальтера Рубена, "не мог бы выполнить ни один из европейских или индийских ученых". "Хотя прошло, – писал Ф.И.Щербатской, – уже сто лет с начала изучения в Европе

буддизма, но мы все еще блуждаем в потемках по поводу основных положений этой религии и философии". Он был первым, кто дал философское истолкование нирваны и разглядел существенные сдвиги при складывании данного понятия в различные периоды истории буддизма и в разных школах хинаяны и махаяны.

Он показал, что разработка теории нирваны относится к периоду гораздо более позднему, чем время появления буддизма, и связана с махаянской школой Нагарджуны и его учеников. Поэтому по смыслу и значению понятие нирваны в раннем буддизме заметно отличается от позднебуддийского. В этой книге был продемонстрирован подход к буддизму как к постоянно изменяющемуся учению, содержащему в рамках единой системы часто противоположные категории и идеи. Однако этим не исчерпывается значение труда Ф.И.Щербатского. Одним из первых в буддологии он вскрыл сущность доктрины махаяны в целом, отметил важнейшие сдвиги, произошедшие в буддизме в период оформления махаянских школ.

Полемика о нирване, столь острая при Ф.И.Щербатском, не прекратилась и в настоящее время. Пожалуй, она стала еще острее. Однако в целом развитие буддологии подтвердило основные его выводы, изложенные в книге о нирване. Показательно, что труд Ф.И.Щербатского о нирване в 1957 г. был переведен на японский язык.

Итогом многолетних исследований по буддийской философии и логике стала двухтомная работа Ф.И.Щербатского "Буддийская логика" (Leningrad, 1930–1932).

Ф.И.Щербатской рассмотрел учение школы Дигнаги и Дхармакирти во всех аспектах (метафизика, эпистемология, логика) на фоне развития различных школ индийской философии – буддийской и небуддийской. Он дал критический обзор всех важнейших направлений и школ индийской философии (материализм, санкхья, йога, ньяя-вайшешика, веданта, миманса и др.), но основное внимание уделил полемике йогачаров с ньяя-вайшешиками. Его интересовали корни логических построений Дигнаги и Дхармакирти, история индийской философии в ее развитии. Ф.И.Щербатской продемонстрировал великолепное знание не только буддизма и буддийских философских текстов, но и индийской философии в целом. Глубина и широта его познания нас удивляют и восхищают. "Несмотря на то что западные ученые, – писал Дж.Шастри, – проделали огромную работу по изучению буддизма в его религиозном аспекте и буддийской палийской литературы, а такие ученые, как де Ла Валле-Пуссэн, Сильвен Леви, проф. Дэвис и мисс Дэвис, внесли ценный вклад в изучение буддийской метафизики, Щербатской занимает в истории индийской философии особое место не только как крупный исследователь учения школы Дигнаги, но и как выдающийся знаток и толкователь направлений буддийской метафизики. Совершенно очевидно, что ни один западный ученый, да и ни один индийский ученый не обладал таким полным и совершенным знанием философии

ньяя-вайшешика, каким обладал Щербатской". В "Буддийской логике" с особой силой проявился исторический подход Ф.И.Щербатского к анализу буддийской философии и логики, при их оценке он исходил из процессов исторического развития.

Как и в своих предшествующих трудах, Ф.И.Щербатской вновь поднимает вопрос о соотношении индийской философии с европейской, стараясь показать и сходные линии в их развитии, и отличия. "В этом произведении, – писал он, – я исследовал по источникам область индийской логики в ее ведущей, буддийской ветви и наряду с историческим наброском пытался систематически изобразить ее. Я старался сделать понятными чуждые индийские теории путем контраста, через параллелизм с соответствующими европейскими теориями".

Труд Ф.И.Щербатского по буддийской логике явился выдающимся событием в истории мировой буддологии. Хотя сочинение по логике интересовали ученых и до Ф.И.Щербатского (на них в русской науке обращал внимание учитель Ф.И.Щербатского В.П.Васильев, в Западной Европе – С.Леви и де Ла Валле-Пуссэн, среди индийских ученых наиболее крупный вклад внес С.Видьябхушана), но работа советского буддолога была построена на принципиально ином, более высоком уровне исторического, философского и текстологического анализа, его выводы более фундаментальны, а охват исследуемого материала более обширен и разнообразен. "Когда читаешь труды Щербатского, – писал Дж.Шастри, то поражаешься его знанию индийских философских систем, острому критическому чутью... "Буддийская логика" покойного ленинградского профессора Ф.И.Щербатского оказалась замечательным трудом, не только явившим миру скрытые сокровища философской школы Дигнаги, но и давшим образец критического исследования подлинного Удъеттакары, Вачаспатимиши, Джаянты, Шридхары, Удайяны и других авторов".

Ф.И.Щербатской внес крупный вклад в буддологию, индологию и тибетологию публикациями многих важных памятников буддийской культуры. Изданые им санскритские и тибетские сочинения ясно говорят о грандиозности выполненной им работы.

Многие труды Ф.И.Щербатского появились в серии "Bibliotheca Buddhica", инициатором создания которой он был вместе с С.Ф.Ольденбургом.

Научное наследие Ф.И.Щербатского включает также ряд работ по другим областям индологии. Он перевел на русский язык роман Дандиня "Дашакумараачарита", отдельные разделы "Артхашастры" и возглавлял творческую группу по переводу и исследованию этого уникального памятника. Одним из первых в индологии Ф.И.Щербатской специальное внимание уделил истории индийского материализма. "Нигде, пожалуй, – писал он, – дух отрицания и возмущения против оков традиционной морали и связанной с ним религии не выразился так ярко, как среди индийских материалистов".

Ф.И.Щербатской не только изложил основные концепции материалистов, но и привел новые источники, говорящие о влиянии этой школы.

Давая оценку трудам Ф.И.Щербатского, С.Ф.Ольденбург подчеркивал, что "глубоко неверно утверждение, будто индийская культура – продукт мечтателей, лишенных исторических представлений. Щербатской блестяще доказывает во всех своих работах, как логично и точно работает мысль индийских ученых, отражающих в своих учениях социально-классовые отношения на различных периодах своей страны".

Ф.И.Щербатской был не только первоклассным исследователем, но и замечательным педагогом. С его именем связана подготовка целой школы квалифицированных индологов, тибетологов, буддологов. Его непосредственными учениками были такие известные ученые, как Е.Е.Обермиллер, М.И.Тубянский, А.И.Востриков, Б.В.Семичев и др. Многие представители старшего поколения советских индологов учились у Ф.И.Щербатского и с благодарностью вспоминают о его лекциях, семинарах, языковых занятиях.

Говоря об огромном вкладе Ф.И.Щербатского в развитие мировой науки, известный индийский ученый Дебипрасад Чаттопадхьяя именно этот аспект его деятельности – подготовку целой плеяды специалистов – считает особо важным достижением. "Щербатской подготовил поколение превосходных ученых, которые продолжили направление его исследований, в то время как в Индии практически не было крупного специалиста, чтобы продолжить работу Видьябхушаны, по крайней мере в столь крупном масштабе".

Научное наследие Ф.И.Щербатского постоянно находится в центре внимания мировой востоковедной науки, его труды часто переиздаются в различных странах мира, к ним обращаются разные поколения ученых. Особо хочется сказать об издании трудов Ф.И.Щербатского в Индии, изучению культуры которой он посвятил свою научную деятельность. В 1969 г. в Калькутте под редакцией Дебипрасада Чаттопадхьяя был опубликован на английском языке первый том избранных работ Ф.И.Щербатского, а в 1971 г. был издан второй том. В предисловии к этому изданию Дебипрасад Чаттопадхьяя подробно разбирает труды Ф.И.Щербатского, указывает на его огромный вклад в развитие мировой индологии и буддологии. По мнению индийского ученого, после работ Ф.И.Щербатского уже невозможно обсуждать на должном уровне проблемы индийской философии без глубокого исследования идей, взглядов, концепций советского буддолога.

Три наиболее крупные работы Ф.И.Щербатского по дхарме, нирване и буддийской логике были опубликованы им на английском языке. Эти исследования посвящены самым кардинальным проблемам буддийской философии.

В настоящее время, когда буддологические исследования развиваются с особой интенсивностью, когда проблемы культурного наследия Индии и Востока в целом приобретают все большую значимость, обращение к ставшим классическими трудам Ф.И.Щербатского представляется весьма сво-

евременным. Чтобы сделать их доступными более широкому кругу читателей, было решено опубликовать эти три работы на русском языке. Переводчики прекрасно справились с не-легкой задачей адекватно передать все нюансы творческого метода Ф.И.Щербатского. Это не просто перевод с языка оригинала на другой язык, а восстановление подлинного авторского текста на "внутреннем" языке оригинала, родном языке автора. Особо следует отметить в этом отношении роль Бориса Владимировича Семичова – непосредственного ученика и продолжателя трудов Федора Ипполитовича, знавшего особенности научного мышления своего учителя и его научного языка.

Публикуемые работы Ф.И.Щербатского были написаны много лет назад, и сейчас кое-что в них требует некоторых разъяснений и комментариев. Это и сделано с надлежащей тщательностью, бережностью и осторожностью.

Издавая труды Ф.И.Щербатского, следует вспомнить не только его работы, но и его самого. У настоящего ученого его исследовательская деятельность неотделима от его личности, его человеческого облика. Поэтому мы сочли целесообразным присоединить к работам Федора Ипполитовича очерк о нем самом, его жизни и научном пути. Те, кто не знал его, не общался с ним, смогут узнать много нового об этом выдающемся представителе нашего востоковедения, человеке необыкновенного таланта, прожившем нелегкую, яркую и полную творческих исканий жизнь.

Публикация работ Ф.И.Щербатского во многом символична. Она свидетельствует о встрече старого поколения отечественного востоковедения с новым, о передаче эстафеты плеяде молодых ученых. Радостно сознавать, что сейчас уже выросла новая смена индологов, буддологов, тибетологов, с полным знанием дела продолжающих традиции той отрасли востоковедения, развитию которой посвятил свою жизнь Федор Ипполитович Щербатской.

Следует специально подчеркнуть, что особая заслуга в осуществлении этого издания принадлежит выдающемуся советскому востоковеду Николаю Иосифовичу Конраду, который хорошо знал Ф.И.Щербатского и высоко ценил его труды. Много лет назад Н.И.Конрад выступил с предложением о публикации тома избранных работ Ф.И.Щербатского, вел активную переписку с переводчиками и составителями тома. К сожалению, академик Н.И.Конрад не смог увидеть это издание, но история нашего отечественного востоковедения всегда будет хранить память о той поистине огромной роли, которую сыграл академик Н.И.Конрад в изучении и популяризации научного наследия Ф.И.Щербатского.

Имя академика Ф.И.Щербатского, его труды – это не только славная страница в истории отечественного востоковедения, это и часть русской и советской науки и культуры в целом.

Прошло 45 лет со дня кончины Федора Ипполитовича, но с полным основанием можно сказать, что академик Ф.И.Щербатской – наш современник. Многие его работы, плодотвор-

ные идеи, широкие историко-культурные обобщения, издания новых уникальных текстов сохраняют свою научную значимость и сегодня, намечают пути дальнейших поисков и исследований. "Библиотека Буддика", у истоков деятельности которой стоял Федор Ипполитович, после длительного перерыва вновь возобновила свою работу. Изданый под номером XXXIII том содержит публикацию важных памятников индийской письменности из Центральной Азии, непосредственно продолжая работу по изданию и переводу санскритских и тибетских буддийских текстов, которую блистательно проводил Федор Ипполитович. Получает развитие и научное воплощение концепций академика Ф.И.Щербатского об особой роли индо-буддийской культуры в истории многих народов Востока, о необходимости соединения усилий историков, филологов, текстологов, философов для изучения богатейшего духовного наследия так называемого буддийского культурного ареала. Ф.И.Щербатской был одним из инициаторов создания "Института изучения буддийской культуры". Еще в 1927 г. в объяснительной записке к проекту учреждения такого института в системе Академии наук СССР Ф.И.Щербатской вместе с С.Ф.Ольденбургом и М.И.Тубянским отмечал: "Для огромной территории индо-буддийской культуры означает примерно то же самое, что для Европы – античная культура Средиземноморья... Изучение индо-буддийской культуры Средней и Восточной Азии представляет одну из важнейших областей всеобщей истории культуры". Последующие исследования советских ученых полностью подтвердили справедливость этих слов, этой творческой позиции.

Научная деятельность Ф.И.Щербатского началась в самом начале нашего столетия и продолжалась более четырех десятилетий. В 1900 г. на кафедре санскритской словесности факультета восточных языков Петербургского университета к преподаванию санскрита приступил приват-доцент Ф.И.Щербатской, сменив на этом посту исполняющего должность экстраординарного профессора С.Ф.Ольденбурга. С тех пор Федор Ипполитович не оставлял преподавания в Университете. Подлинный талант, огромная эрудиция, исключительное трудолюбие, высокая требовательность к себе и к своим коллегам и ученикам – все эти необходимые для настоящего ученого черты и жизненные установки принесли его трудам счастливое долголетие, а его имя заслуженно стало синонимом творческого вдохновения, высоких нравственных принципов, благородства и мужества. Уже в начале нашего столетия труды Ф.И.Щербатского получили известность в России, Западной Европе и на Востоке. Судьба подарила ему радость общения со многими замечательными деятелями отечественной и мировой науки, литературы и искусства. В течение десятилетий Федор Ипполитович работал вместе с В.В.Бартольдом, С.Ф.Ольденбургом, Б.А.Тураевым, Н.Я.Марром, И.Ю.Крачковским, Б.Я.Владимирцовым, В.М.Алексеевым. Федор Ипполитович активно сотрудничал с издательством "Всемирная литература", встречался с М.Горьким и А.В.Луначарским, который в 1920 г. ходатайствовал перед В.И.Ле-

ниным о научной командировке Ф.И.Щербатского за границу для изучения буддизма и буддийской философии.

Новые материалы о переписке В.И.Ленина и А.В.Луначарского, А.В.Луначарского с Г.В.Чичериным и С.Ф.Ольденбургом показывают, каким высоким авторитетом пользовался Федор Ипполитович у руководителей советского государства и советской науки. В марте 1921 г. А.В.Луначарский в письме Управляющему делами Совнаркома Н.П.Горбунову (с пометой: "для Ленина") пишет о Ф.И.Щербатском как о пре-восходном ученом, авторе замечательной работы о буддизме, человеке передовых взглядов. Очень показательно и письмо, которое в ноябре 1919 г. направил академик С.Ф.Ольденбург А.В.Луначарскому. Многие строки этого письма заслуживают того, чтобы их привести еще раз. Академик Ф.И.Щербатской "является в настоящее время лучшим в Европе знатоком индийской и специально буддийской философии, он учитель известного Вам О.О.Розенберга. Им после пребывания в Индии, где он специально работал по философии с пандитами, был задуман и при содействии Академии наук начал приводиться в исполнение план обнародования основных философских текстов буддизма, в подлинниках и переводах... в настоящее время, когда Восток, особенно Дальний Восток, начинает играть все большую роль в мировой жизни, изучение буддизма приобретает и практическое значение, и России важно сохранить за собой то выдающееся положение, которое она, благодаря работе своих ученых, заняла по отношению к изучению буддизма".

Пролежавшее в архиве более 50 лет, это письмо Непременного секретаря Академии наук – интереснейший документ эпохи, еще одно свидетельство высочайшего авторитета отечественной индологии и буддологии и вместе с тем заботы советского государства о развитии этих научных дисциплин уже в первые годы советской власти. В этой связи можно и нужно вспомнить об организации осенью 1919 г. Первой буддийской выставки, на которой с лекцией "Философское учение буддизма" выступил академик Ф.И.Щербатской. Подготовка и проведение в тяжелейший период гражданской войны и интервенции буддийской выставки, выступление с публичными лекциями о культуре Востока, богатом наследии его народов было не только и, возможно, не столько научным предприятием, сколько актом высокой гражданственности, выражением патриотизма и четкой политической позиции.

Именно таких ученых, как Ф.И.Щербатской, людей особой масштабности имел в виду А.М.Горький, когда писал С.Ф.Ольденбургу: "Я имел высокую честь вращаться около них в труднейшие годы 19–20-й. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким stoicеским мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали, и видел, как умирали. Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга перед вами, герои свободной, беспощадно исследующей мысли. Я думаю, что русскими учеными, их жизнью и работой в годы интервенции и блокады дан

миру великолепный урок стоицизма и что история расскажет миру об этом страдном времени с той же гордостью русским человеком, с какой я пишу Вам эти простые слова".

Жизнь и творчество Ф.И.Щербатского и сегодня остаются для нас примером служения высоким идеалам науки. Значимость его трудов в настоящее время, огромный к ним интерес в широких кругах читателей – залог того, что и будущие поколения будут с благодарностью и уважением произносить имя Ф.И.Щербатского, хранить глубокий смысл слов, выбитых на каменной плите его могилы: "Он объяснил своей стране ум древних мыслителей Индии".

Член-корреспондент АН СССР Г.М.Бонгард-Левин

АКАДЕМИК
ФЕДОР ИППОЛИТОВИЧ ЩЕРБАТСКОЙ

Федор Ипполитович Щербатской родился 19 сентября 1866 г. в г.Кельцы (Польша), где в то время служил его отец. Среднее образование он получил в Царскосельской гимназии (ныне г.Пушкин Ленинградской области), которую закончил в 1884 г., после чего поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В те годы в Петербургском университете лекции по языкоznанию и санскриту читал И.П.Минаев, выдающийся ученик основоположника русской школы буддологов В.П.Васильева. Встреча с И.П.Минаевым во многом определила путь начинающего ученого. Ф.И.Щербатской занимался и у ученика И.П.Минаева С.Ф.Ольденбурга, тесный контакт с которым поддерживал на протяжении многих лет жизни. Обладая редкими природными способностями, огромным трудолюбием и имея таких выдающихся руководителей, Федор Ипполитович в короткий срок преодолел трудности санскрита и смог приступить к самостоятельной научной работе. В 1889 г. он блестяще окончил университет, сдав экзамен на степень кандидата, и написал диссертацию на тему "О двух рядах гортанных в индоевропейских языках", после чего был оставлен при университете для подготовки к профессуре по индологии.

В том же, 1889 г. Ф.И.Щербатской был командирован в Вену для дальнейшего совершенствования своих знаний. В Вене лекции по саскриту и индологии читал Г.Бюлер, известный специалист в области индийской поэтики и крупнейший исследователь индийской культуры. Г.Бюлер сыграл немалую роль в развитии индийской филологии. Как известно, он был автором учебника санскритского языка, переведенного впоследствии на русский язык П.Бринстедтом под редакцией Ф.И.Щербатского и изданного в 1923 г.¹. Кроме теории поэзии Ф.И.Щербатской изучал под руководством Г.Бюлера грамматику Панини, "Дхармашастру", некоторые философские тексты, а также индийскую эпиграфику. Одновременно он слушал у проф. Ф.Мюллера лекции по общему языкоznанию и истолкованию ведических гимнов. Свои занятия поэтикой у Г.Бюлера Ф.И.Щербатской завершил статьей "Те-

¹ Г. Бюлер. Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Стокгольм, 1923.

ория поэзии в Индии" (ЖМНП, 1902, № 6), принесшей ему известность. В этой статье он особо остановился на учении индуев о дхвани (*dhvani*), или внутреннем скрытом смысле в поэтическом творчестве. Эта его работа увидела свет уже после смерти Г. Бюлера.

В 1893 г. Ф.И.Щербатской вернулся на родину, блестяще зная санскрит и глубоко понимая индийскую поэтическую шастрю. Однако общественная деятельность (от земского гласного до уездного предводителя дворянства) на несколько лет почти полностью оторвала его от научной работы. Только спустя шесть лет, после поездки на XII Международный конгресс ориенталистов в Риме, Ф.И.Щербатской снова и уже навсегда возвращается к индологии. Этот конгресс, состоявшийся в октябре 1899 г., явился важной вехой в истории мировой индологии. На нем были сделаны сообщения об открытии уникальных памятников буддийской культуры в оазисах Тарима, среди которых были замечательные произведения искусства и фрагменты буддийских рукописей на санскритском и тибетском языках, усилившие интерес научного мира к памятникам северного буддизма.

После Римского конгресса Ф.И.Щербатской направляется в Бонн для занятий буддийской философией с проф. Якоби. Если в Вене у Бюлера Федор Ипполитович постиг основы индийской поэтической шаstry, то в Бонне у Якоби помимо поэтики он глубоко изучил философскую шастрю, заложив тем самым прочный фундамент своим дальнейшим исследованиям в области индийской философии.

В 1900 г. Ф.И.Щербатской вернулся в Россию и начал преподавательскую деятельность как приват-доцент кафедры санскритологии факультета восточных языков Петербургского университета, сменив на этом посту С.Ф.Ольденбурга. Он продолжал преподавать на этой кафедре и после того, как стал академиком. Некоторое время (начало 20-х годов) он читал элементарный курс санскрита в качестве второго языка для студентов, изучавших урду, в Ленинградском институте живых восточных языков.

Федор Ипполитович был очень требовательным педагогом. Он прививал студентам навыки самостоятельной работы, понимания смысла текстов и приучал их к логическому мышлению и философскому подходу к предмету. Как было отмечено С.Ф.Ольденбургом, Ф.И.Щербатской всегда придерживался того взгляда, что понимание текста можно обнаружить не столько его исследованием, сколько переводом, при котором выяснялось, каким именно понятиям родного языка отвечают чужие понятия². Именно поэтому он всегда стремился обратить внимание учеников на смысл подлинника и не любил читать легкие тексты, не будившие философской мысли.

² С.Ф.Ольденбург. Записка об ученых трудах проф. Ф.И.Щербатского. — "Известия Российской Академии наук", 1918, сер. VI, № 16, с. 1718.

Первой работой по буддийской философии, принесшей Ф.И.Щербатскому европейскую известность, был перевод с санскрита, систематическое изложение и анализ логики знаменитого буддийского философа Дхармакирти (VII в. н.э.). Этот труд под названием "Теория познания и логика по учению позднейших буддистов" вышел на русском языке в двух частях в 1903—1909 гг. и впоследствии как классическая работа был переведен на немецкий и французский языки. В этом труде Ф.И.Щербатской попытался дать "разъяснение теоретических основ буддийской религии в том виде, как она понималась и разрабатывалась в школе йогачаров". Интерес к этой школе был обусловлен тем, что она разработала буддийское учение о познании в связи с логикой. "Буддизм выработал для теоретической защиты своих основоположений, — писал он, — особую теорию познания в связи с логикой. Главнейшие черты этой теории дают ей право называться критической: она объявляет всякое метафизическое познавание невозможным, ограничивает всякое познавание исключительно сферою возможного опыта и задачу философии видит не в исследовании сущности и начала всех вещей, а в исследовании достоверности нашего познания"³. Он говорил, что буддисты школы йогачаров считали непознаваемым реальное бытие и реальные отношения. "Их точка зрения очень близка к Кантовой потому, что, признав существование вещей в себе как реальных субстратов нашего знания, они в то же время считали их недоступными познанию"⁴.

Таким образом, Ф.И.Щербатской впервые показал, что буддийская логика неразрывно связана с теорией познания (в противоположность Аристотелевой логике), что именно буддийская логика вместе с теорией познания резко противопоставила себя всем предшествовавшим философским системам Индии (ср. противоположную точку зрения Якоби) и что буддийская логика наложила отпечаток на всю логику веданты, начиная с Шанкары. Особого внимания в книге заслуживают главы о самопознании, умозаключении и сущности отрицательных суждений. Точка зрения буддийской логики в лице Дхармакирти на важнейший философский вопрос о том, как может интеллект познавать самого себя, раскрыта Ф.И.Щербатским в следующих словах перевода: "Если бы не было и самопознания, то не было бы и достоверности факта познания, и весь мир был бы слеп, нельзя было бы говорить о познании и бытии вообще. Сознание не требует доказательств, потому что оно есть сознание"⁵. Свое учение о "самосветящемся свете знания" Дхармакирти противопоставляет не только учению брахманских систем, но и учению мадхьямиков, говоривших о "пустоте" внутреннего и

³ Ф.И.Щербатской. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. I. СПб., 1903, с. VIII.

⁴ Там же, с. XII.

⁵ Там же. Ч. 2. СПб., 1909, с. 277—278.

внешнего мира. Поскольку анализ Ф.И.Щербатского касался трактата, посвященного логическим вопросам, то, естественно, он не мог дать исчерпывающего разъяснения теоретических основ буддийской религии, хотя и вплотную подводил читателя к этому. Данный вопрос нашел свое блестяще разрешение в последующих его трудах.

Монография "Теория познания и логика по учению позднейших буддистов" намного опередила свое время. Очевидно, именно потому надежды автора на то, что его труд вызовет оживленные отклики не только среди узкого круга специалистов, но и среди историков философии вообще, оправдались значительно позднее. Европейскому читателю эта работа стала доступна лишь четверть века спустя после ее первого русского издания в немецком и французском переводах. В переработанном виде этот труд Ф.И.Щербатского лег в основу его капитальной работы "Buddhist Logic", составившей эпоху в мировой буддологии.

В 1903 г. Ф.И.Щербатской был избран в личный состав вновь созданного Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, возглавляемого академиками В.В.Радловым и С.Ф.Ольденбургом. Здесь он руководил работой Б.Б.Барадийна, готовясь с ним к экспедиции в Тибет, организуемой Русским комитетом. Весной 1905 г. обстоятельства, связанные с пребыванием в Урге XIII далай-ламы Агвана Лобсан Тубдан Чжанцо, побудили Русский комитет ускорить отправку экспедиции для исследования рукописных сокровищ тибетских монастырей. С этой целью в Ургу для переговоров с далай-ламой был командирован Ф.И.Щербатской. Эта поездка дала возможность ученому впервые воочию со-прикоснуться с буддийским миром, получить богатую практику разговорного тибетского языка, а также познакомиться и с живым монгольским языком. Сведения, полученные им во время пребывания в Урге, подтвердили предположения о том, что в монастырях Тибета хранится много санскритских рукописей. Ему удалось даже подготовить почву для экспедиции в Тибет и заручиться для этого личным соглашением и приглашением далай-ламы. "Есть полное основание надеяться, — писал Ф.И.Щербатской в своем отчете о командировке в Ургу, — что научная экспедиция в Тибет, предпринятая при столь благоприятных обстоятельствах, как совместное с Далай Ламой путешествие в эту страну, при его поддержке увенчалась бы успехом и собрала бы богатые материалы"⁶. Однако Министерство иностранных дел отклонило просьбу Ф.И.Щербатского, лишив тем самым его возможности отправиться в экспедицию в Тибет при столь благоприятных для научной работы обстоятельствах⁷. Но то, что было не суждено совершиТЬ учителю, сумел частично восполнить его ученик. Русский комитет сумел добить-

⁶ Ф.И.Щербатской. Краткий отчет о поездке в Ургу. — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1906, № 6, с.22.

⁷ Там же, с.5—6.

ся разрешения на экспедицию в Тибет для Б.Б.Барадийна, который совершил в 1905—1907 гг. экспедицию через Халху и Алашань в Гумбум и Лавран — знаменитый центр буддийской учености в Амдо. Программа работ была дана Б.Б.Барадийну Ф.И.Щербатским и С.Ф.Ольденбургом. Как известно, экспедиция Б.Б.Барадийна сыграла важнейшую роль в развитии отечественной буддологии. Достаточно сказать, что помимо предметов буддийского искусства и этнографических коллекций он привез около 200 томов редких тибетских и монгольских книг Лавранской и Гумбумской печати⁸.

Углубленное изучение буддийской философии побудило Ф.И.Щербатского посетить родину буддизма. В 1910—1911 гг. он совершает поездку в Индию, командированный туда Русским комитетом. "Целью моего путешествия в Индию, — писал он в своем отчете, — кроме общего знакомства со страной, было, прежде всего, разыскание остатков буддийской научной литературы как в сочинениях собственно буддийских, так равно брахманских и джайнских, поскольку последние так или иначе отражали эпоху расцвета в истории буддийской цивилизации (V—X вв. по Р.Х.). Одновременно с этим я имел в виду ознакомиться с положением, в котором находится изучение санскритского языка и литературы в самой Индии, и особенно изучение тех отраслей литературы, которые до сего времени не поддавались интерпретации европейских ученых, представляли для них более или менее загадку"⁹.

Пребывание Ф.И.Щербатского в Бомбее было плодотворным. Ему удалось достать каталог уникальной библиотеки крупнейшего джайнского ученого Хемачандры, чего не смог сделать Г.Бюлер, проживший в Бомбее 17 лет. Интерес Федора Ипполитовича к джайнской литературе объяснялся тем, что джайны на протяжении ряда столетий тщательно изучали и даже комментировали буддийские научные сочинения эпохи расцвета, следы чего можно обнаружить, по свидетельству Ф.И.Щербатского, почти в каждой джайнской библиотеке. Большую роль для него сыграла случайная встреча в Бомбее с одним из местных пандитов, с которым он начал заниматься философскими шастрами. "Авторитет его среди местных каст, — писал об этом пандите Федор Ипполитович, — был столь высок, что он мог, не стесняясь правилами кастовой исключительности, свободно жить со мною. Жили мы совершенно в индийской обстановке, в местности, в которой не было ни одного европейца, где единственный разговорный язык был санскрит, проводя время с утра до вечера в философских диспутах, с двумя перерывами в месяц, в день новолуния и полнолуния"¹⁰. Такая система приобретения

⁸ Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1908, с.21.

⁹ Ф.И.Щербатской. Краткий отчет о поездке в Индию. — Известия Русского комитета..., 1912, № 1, с.70.

¹⁰ Там же, с.73.

знаний дала блестящие результаты, и недаром впоследствии Ф.И.Щербатской требовал повторения своего опыта усвоения языка и основного предмета занятий от своих учеников при их командировках в дацаны Бурятии и даже в Ленинграде. То же он рекомендовал и ученым-буддологам Европы.

Во время своего пребывания в Бомбейской провинции Ф.И.Щербатской подробно ознакомился со всеми основными сочинениями по философии ньяя и перевел многие из них на английский язык, пользуясь бесценными указаниями местных пандитов. Из Бомбея он направился в Пуну, где в библиотеке Деканского колледжа сфотографировал две рукописи XIII в. известного философа Удаяны. Свое пребывание в Бенаресе Ф.И.Щербатской посвятил главным образом изучению сочинений системы миманса. В начале октября 1910 г. он побывал в Гималаях и посетил Дарджилинг, где в то время находился XIII далай-лама. "Мне удалось не только видеть Далай Ламу, — писал он, — но и сноситься с ним совершенно свободно во все время моего пребывания в Дарджилинге, которое продолжалось с лишним месяц. От Далай Ламы и его приближенных я пополнил свои сведения о тибетских монастырях, в которых имеются еще большие собрания тибетских рукописей и ксилографов"¹¹. Далай-лама пригласил Ф.И.Щербатского посетить Тибет и сфотографировать ряд уникальных санскритских рукописей, сохранившихся еще в нескольких известных монастырях у Лхасы и озера Маносаровар. Однако китайское правительство не дало разрешения на въезд в Тибет русскому ученому. Он с горечью писал об этом: "Пришлось, находясь, так сказать, уже в самом Тибете, отказаться от осуществления этой заветной для каждого тибетаниста мечты"¹².

Трудно переоценить значение поездки Ф.И.Щербатского в Индию. Она дала ему возможность соприкоснуться с живой устной традицией, без знания которой невозможна серьезная исследовательская работа над переводами и комментариями рукописей философских и религиозных трактатов. В этом смысле он был прямым продолжателем своего замечательного учителя И.П.Минаева, проведшего не один год своей жизни в путешествиях по Индии, Цейлону и Бирме. Посещение Индии только укрепило Ф.И.Щербатского в его преклонении перед духовными сокровищами ее замечательного народа. "Достижения ее в области астрономии, математики, медицины, — писал он об Индии вскоре после возвращения на родину, — велики, замечательны в области права, восхитительны в области поэзии, единственны в области поэтического творчества, но в области философии и религии лежит центр наивысших ее достижений"¹³.

¹¹ Там же, с.74.

¹² Там же, с.75.

¹³ Цит. по: С.Ф.Ольденбург. Записка об учченых трудах проф. Ф.И.Щербатского, с.1718.

Возвратившись в Россию, Ф.И.Щербатской начинает работать над исследованием знаменитого труда "второго Будды" Васубандху "Абхидхармакоша" ("Хранилище спасительного знания"). Поводом к этому была встреча Ф.И.Щербатского в Калькутте с Д.Россом, занятым в то время дешифровкой фрагментов уйгурского манускрипта этого сочинения, а также вскоре последовавшее известие о том, что А.Стейном найдена в Восточном Туркестане вся версия "Абхидхармакоши" на уйгурском языке, попавшая затем в Париж к С.Леви. В декабре 1912 г. в Париже Ф.И.Щербатской встретился с С.Леви, и с согласия Валле-Пуссэна (Бельгия), Д.Росса (Англия) и У.Вогихары (Япония) был составлен план издания и перевода "Абхидхармакоши", куда входили тибетская, санскритская, уйгурская и китайская версии этого сочинения с соответствующими комментариями¹⁴. "Эта работа, — писал С.Ф.Ольденбург, — начатая таким образом по почину русского ученого и ведомая им международно, создала твердую почву для систематического изучения буддийской философии и самого буддизма... Только с осуществлением предприятия Ф.И.Щербатского и его сотрудников начинается систематическое и планомерное изучение буддизма, которого так долго ждала эта замечательная религия"¹⁵.

В 1914 г. Ф.И.Щербатской вместе с С.Ф.Ольденбургом задумал предпринять издание серии "Памятники индийской философии" в переводах с санскритского и других восточных языков на русский и европейский языки, что было одобрено постановлением Российской Академии наук. "Такая серия, — говорил Ф.И.Щербатской, — казалось тогда, должна была явиться ответом на назревшую потребность русской и европейской науки, с одной стороны, и русской читающей публики — с другой. Наши сведения в этой области все еще не могли считаться вышедшими из пределов неясного гадания о сущности индийской философии... Для перевода в первую очередь были избраны сочинения Вачаспатимиши по всем индийским философским системам, основные трактаты системы Ньяя, семь трактатов Дармакирти, сочинение по логике Дигнаги и содержащая систему первоначального буддизма "Абидармакоша" Васубанду"¹⁶. Из упомянутых работ "Ньяякарика", сочинение Вачаспатимиши по системе миманса, и трактат Дхармакирти "Обоснование чужой одушевленности" были готовы к печати уже в 1914 г., когда грянула первая мировая война, разбившая все эти планы. В своем предисловии к трактату Дхармакирти, вышедшему лишь в 1922 г.,

¹⁴ *Sṛuṭārtha Abhidharma-koṣavākhyā, the work of Yaśomitra first Koṣasthana.* Ed. by S.Lévi and Th.Stcherbatsky. Pg., 1918.

¹⁵ С.Ф.Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму, 1818—1918. — "Известия Российской Академии наук". Pg., 1918, сер.VI, № 7, с.548.

¹⁶ Дхармакирти. Обоснование чужой одушевленности с толкованием Винитадева. Перевел с тибетского Ф.И.Щербатской ("Памятники индийской философии"). Pg., 1922, с.III—IV.

Ф.И.Щербатской писал: "Если теперь, по истечении почти шести лет, когда было так трудно печатать, и намечается возможность осуществления хотя небольшой части прежних предположений, то это заслуга прежде всего тех деятелей на научной почве, которые, несмотря ни на какие трудности и жертвы, не подумали о бегстве из родной страны, верили все время в ее неминуемое и быстрое возрождение и не жалели сил своих в борьбе с разрухой"¹⁷.

"Обоснование чужой одушевленности", принадлежащее к числу знаменитых сочинений Дхармакирти по логике, сохранилось только в тибетском переводе и посвящено вопросу о том, на чем основана наша уверенность в существовании "чужого одушевления". Автор этой работы, по выражению С.Ф.Ольденбурга, "стремится доказать положение, что если реалист, наблюдая внешние признаки чужого одушевления, заключает о его существовании, то с точки зрения последовательного идеализма можно целиком принять это рассуждение, с тою лишь разницей, что вместо внешних признаков одушевления следует тогда говорить о соответственных представлениях"¹⁸. "Вопрос о том, на чем основано наше убеждение в существовании других сознательных существ, кроме нас самих, — писал Ф.И.Щербатской, — является одним из самых трудных в философии, хотя обыденное наше мышление и отказывается видеть в нем вообще какой бы то ни было вопрос... В Индии этот вопрос возник естественно, в связи с установлением в позднейшей буддийской философии спиритуалистического монизма, или, как его обычно называют, идеализма"¹⁹. Согласно Ф.И.Щербатскому, сторонникам идеализма в Индии их противниками, реалистами, приписывалась точка зрения, в соответствии с которой внешние объекты не существуют не только вне наших представлений, но и вне нас и живых существ, т.е. точка зрения, приводящая к полному солипсизму.

Этой полемике с реалистами и посвящен трактат Дхармакирти, в котором автор приходит к выводу, что "умозаключение о существовании чужой одушевленности, несмотря на то что мы ее познаем только на основании аналогии со своей собственной, имеет, как и всякое мышление, для нас значение хотя косвенного, не прямого, не непосредственного, но все же несомненного познания действительности, или, что то же самое, истинно существующего"²⁰. Перевод Ф.И.Щербатским этого труда рассеял некоторые сомнения о принадлежности Дхармакирти к школе йогачаров. Характеризуя философскую позицию Дхармакирти, занятую им в этой работе, С.Ф.Ольденбург писал: "Признавая пол-

¹⁷ Там же, с. V.

¹⁸ С.Ф.Ольденбург, Ф.И.Щербатской. *Saṃtānātarasiddhi*, сочинение Dharmaśāstra. Тибетский перевод, русский перевод, введение.—"Известия Императорской Академии наук", 1914, сер. VI, № 5, с.319—320.

¹⁹ Дхармакирти. Обоснование чужой одушевленности..., с.VII.

²⁰ Там же, с.XII.

ную субъективность наших представлений и отрицая существование соответствующих им объектов во внешнем мире, Дхармакирти в то же время признавал, что их подкладку составляют реальные, хотя и непредставимые, сущности"²¹. Аналогичная точка зрения получила в европейской философии название трансцендентального, или критического, идеализма.

Свои основные труды, принесшие ему всемирную известность, Ф.И.Щербатской создает после Октябрьской революции. В 1918 г. он избирается действительным членом Российской Академии наук. Характеризуя значение его работ в связи с избранием в Академию, С.Ф.Ольденбург отмечал: "Но не на одних наших молодых ученых сказалось научное влияние Ф.И., мы можем с чувством глубокого удовлетворения установить, что влияние работы Ф.И. над буддийской философией сказалось даже и на его учителях, профессорах Бюлере и Якоби, которые несомненно под влиянием нового научного материала, открытого и исследованного Ф.И.Щербатским, изменили в значительной мере свое стальное "брахманское" отношение к буддизму как явлению второстепенному в культуре Индии. Им и другим индологам пришлоось убедиться, что именно в центре индийской культуры, ее философии буддизм занял исключительное место и что брахманская философия после буддизма стала иною, испытав на себе в широкой мере его влияние"²².

В 1923 г. была опубликована замечательная работа Ф.И.Щербатского "The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word Dharma" (London, Royal Asiatic Society), созданная на основе систематического изучения трактата Васубандху "Абхидахармакоша". Эта работа посвящена центральному философскому вопросу раннего буддизма — теории дхарм, т.е. условно говоря, элементов бытия, на которые, по представлениям буддистов, разлагается поток сознательной жизни. До появления этого труда европейская буддологическая наука тщетно билась над выяснением истинного смысла этого ключевого термина буддийской философии. Источником исследования Ф.И.Щербатскому служил не палийский канон, а более поздняя работа, восходящая, однако, к секте сарвастивидинов, одной из ранних сект буддизма, и сохранившая систематическое изложение этой школы.

"Понятие о дхарме, — писал Ф.И.Щербатской в своем сочинении, — центральный пункт буддийского учения. В свете этого понятия буддизм раскрывается как метафизическая теория, развившаяся из одного основного принципа — идеи, что бытие (существование) является взаимодействием множественности тонких, конечных, далее недоступных анализу элементов материи, духа и сил. Эти элементы под термином "*"dharma"*" имеют соответствующее значение, данное им

²¹ С.Ф.Ольденбург, Ф.И.Щербатской. *Saṃtānātarasiddhi...*, с.320.

²² С.Ф.Ольденбург. Записка об ученых трудах проф. Ф.И.Щербатского, с.1722.

лишь в этой системе. Буддизм соответственно может быть охарактеризован как система радикального плюрализма (*sāṅghāta-vāda*); лишь эти элементы являются реальностями, а каждая их комбинация только наименование, обнимающее множественность отдельных элементов. Нравственное учение о пути к конечному освобождению не является чем-то добавочным или чуждым этому онтологическому учению, оно тесно связано с ним и действительно однородно с ним"²³. Последнее следует понимать в том смысле, что хотя поток "элементов бытия" и безначален во времени, он не бесконечен. Среди элементов бытия" существуют такие элементы (дхармы), природа которых стремится к успокоению, т.е. к состоянию полнейшего угасания (нирвана), что укладывается в формулу буддийского сгено, которое объявляет, что Будда обнаружил элементы бытия, их казуальную связь и метод их уничтожения. Ф.И.Щербатской подчеркивал всю важность правильного понимания термина "дхарма" для проникновения в суть буддийской религии и философии: "С первых дней существования буддийской церкви послушники перед получением доступа в орден проходили курс обучения тому, что может быть названо буддийским катехизисом, т.е. изложение учения об элементах (*dharma*) бытия и их различную классификацию...". Основы этой буддийской классификации даны Ф.И.Щербатским в указанной работе. Вот почему каждый серьезный исследователь буддизма не может пройти мимо этого труда, давно уже ставшего классическим.

Естественно, встает вопрос, насколько универсальна теория дхарм для различных школ буддизма, в частности отличается ли основная концепция школы тхеравады от концепции школы сарвастивадинов, разъясненной в "Абхида-макоше" Васубандху и проанализированной Ф.И.Щербатским. Этот вопрос был в свое время поставлен самим Ф.И.Щербатским и нашел отражение в работах его учеников²⁴. При этом оказалось, что обе школы объединяются общей теорией элементов бытия (дхарм), объясняющей существование феноменального мира и способы избавления от этой феноменальности²⁵.

Однако самый первый шаг, приоткрывший завесу над термином "дхарма", был сделан одним из талантливейших учеников Федора Ипполитовича, О.О.Розенбергом, в исследова-

²³ Цитаты из работ Ф.И.Щербатского, приведенные без отсылок, даны по настоящему изданию.

²⁴ См. Б.В.Семичов. Материя в палийской философской литературе. — Известия АН СССР, сер.VII, № 5. Отд. гуманитарн. наук, Л., 1930 (на англ. яз.); он же. Элемент сознания (по палийским первоисточникам. — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып.3. Улан-Удэ, 1969.

²⁵ Б.В.Семичов. О числе элементов по различным палийским и тибетским буддийским текстам. — "Труды БКНИИ СО АН СССР", № 3, 1960, с.68.

нии "Проблемы буддийской философии", изданной в 1918 г. Продолжая мысль О.О.Розенберга относительно непознаваемой природы дхарм, Ф.И.Щербатской писал: "Но хотя это понятие элемента бытия выросло до своеобразной надстройки в форме последовательной системы философии, внутренняя природа его остается загадкой. Что такое *dharma*? Она не-постигаема! Она тонка! Никто никогда не в состоянии будет сказать, какова ее истинная природа (*dharma-svabhāva*)! Она трансцендентальна!".

Один из современных буддологов, Эдвард Конзе, характеризуя роль Ф.И.Щербатского в разработке понятия "дхарма", пишет: "Заслуга Щербатского состоит в том, что ему удалось распознать, что представления о дхарме разделяются всеми различными школами буддизма, что они являются основой всех развитых форм медитации и теоретических построений и исходным пунктом всего дальнейшего развития. До него ученыe настолько стремились трактовать Будду как моралиста, что смысл философского анализа реальности на ее составляющие, или дхармы, либо вообще не замечался, либо принимался за позднейшее сколастическое развитие. Однако Щербатской считал, что интерпретация буддизма, проводимая в тесной связи не только с индийскими комментаторами, но и с продолжающейся живой традицией Тибета, Китая и Японии, скорее приблизит нас к первоначальной доктрине Будды, нежели произвольные реконструкции современных европейских ученых"²⁶.

Значение этого труда для всех изучавших и изучающих буддийскую философию огромно. Благодаря этой сравнительно небольшой монографии все ученые-буддологи получили возможность с твердой уверенностью переводить и изучать многие из до тех пор бывших непонятными и темными мест буддийских трактатов. Взяв в настоящее время любую работу буддолога любой страны, мы видим, что термин "дхарма" в целом все понимают именно так, как утвердил это понимание Ф.И.Щербатской.

В 1927 г. вышла в свет его работа "The Conception of Buddhist Nirvāna", сделавшая переворот в представлениях о сущности махаянической доктрины. В этом труде Ф.И.Щербатской, по его собственным словам, сделал попытку изложить махаяническую концепцию Будды и нирваны. В основу работы лег его перевод с санскритского двух важнейших глав трактата Нагарджуны "Мадхьямика-шастра" ("Трактат об относительности") с комментариями на них Чандракирти. Непосредственным поводом для написания этой работы явилась книга Валле-Пуссэна²⁷, которую Ф.И.Щербатской подверг резкой критике в одной из своих рецензий²⁸, открыв

²⁶ E.Conze. Buddhist Thought in India. L., 1962, c.92.

²⁷ L.de Vallée Poussin. Nirvāna. P., 1925.

²⁸ Th. Stcherbatsky. Nirvāna. Par Luis de la Vallée Poussin. — "Bulletin of the School of Orient Studies". Vol. 6, pt 2. L., 1926, c.357—360.

тем самым с автором многолетнюю полемику о сущности нирваны. Критикуя Валле-Пуссэна, Ф.И.Щербатской критиковал одновременно представления о нирване, сложившиеся у ученых на Западе, сущность которых сводилась к попытке трактовать буддийскую нирвану, исходя из практики индийской йоги.

Ключ к решению проблемы нирваны Ф.И.Щербатской нашел в интерпретации термина "шуньята" как "относительность", а не как "пустота". Обратной стороной этой относительности был абсолют, тождественный с нирваной. Перевод и трактовка им этого сочинения Нагарджуны и комментария Чандракирти позволяют понять мысль индийского гения, прошедшего путь от плюрализма хинаяны к монизму махаяны с ее концепцией Будды как абсолюта. Эта концепция достаточно точно резюмирована в следующих словах Чандракирти, которые мы приводим в переводе Ф.И.Щербатского: "Будда — это обратная сторона всей множественности, созданной нашим образом мышления, — говорит Чандракирти, — множественности, которая создает беспорядок в построениях нашего ума и расчленяет единство мира"²⁹. Ф.И.Щербатской ясно показал, что "относительность" была провозглашена Нагарджуной как общий принцип, действующий в обусловленном и в необусловленном бытии, т.е. фактически этим самым как бы снималась разница между этими двумя планами бытия, которые уже не имели абсолютного значения сами по себе (ср., например, противоположный взгляд хинаянистов или дуализм поздней санкхьи). Эта точка зрения, казалось бы, с неизбежностью должна привести к вопросу о снятии вообще всякого представления о наличии двух планов бытия, т.е. о полном тождестве сансары и нирваны. Однако этого не произошло, потому что это "тождество" феноменального и абсолютного, обусловленного и необусловленного, сансары и нирваны реально, по выражению Ф.И.Щербатского, лишь "*sub specie aeternitatis*" (с точки зрения вечности). Иными словами, оно становится реальностью лишь при снятии феноменальной иллюзии. До тех пор, пока эта иллюзия существует, абсолютное имманентно феноменальному лишь как возможность, а не как действительность. Поэтому, согласно Ф.И.Щербатскому, абсолют одновременно и имманентен и трансцендентен феноменальному плану бытия. Степень их расхождения, следовательно, кроется лишь в сознании, вернее, в его состоянии.

Эту мысль Ф.И.Щербатской выражает так: "Вселенная, рассматриваемая как целое, есть абсолют, а рассматриваемая как процесс есть феномен". В устах Нагарджуны это звучит так:

²⁹ Th. Stcherbatsky. The Conception of Buddhist Nirvāna, c.210.

Здешнюю зависимость или причинность (отдельных вещей)
Мы называем миром феноменальным;
Но это же самое называется нирваной,³⁰
Если абстрагироваться от причинности.

Эта на первый взгляд отвлеченная философская формула несет в себе одновременно вполне конкретное религиозное содержание, которое может быть сформулировано следующим образом: постигший относительность тем самым избавляется от нее, иными словами, постигший "пустоту" феноменального бытия становится "причастным" бытию абсолюта, т.е. Будды в его космическом теле (Будд в Дхармакае). "В этой последней принадлежности, — пишет Ф.И.Щербатской, — единственная сущность вселенной персонифицируется и становиться высшим божеством, предметом поклонения под именами Вайрочаны, Амитабхи, богини Тары и др.". Таким образом, Будда в Дхармакае является единственной реальностью в системе всеобщей относительности Нагарджуны, единственной реальностью, сублимирующей сознание, сбрасывающее с себя покровы феноменального бытия. Однако великий диалектик и неумолимый логик Нагарджуна пришел к выводу, что логически обосновать эту единственную реальность невозможно, что она лежит за пределами формально-логических методов исследования, что она металогична и доступна только мистической интуиции.

Подчеркивая этот аспект философии Нагарджуны, Ф.И.Щербатской писал: "Главное различие между ним и его европейскими коллегами по монизму (Гегель, Бредли и др. — А.З., В.С.), заключается в том, что он не верил в логику по крайней мере как в средство для конечной цели познания того, что представляет собой сама реальность". Таким образом, Ф.И.Щербатской ясно показал всю абсурдность трактовки философии Нагарджуны в духе нигилизма, атеизма и негативизма. Если же Нагарджуна и осмеивает идею бога, то, как справедливо отметил С.Радхакришнан, "он отвергает бога действов. Он искренен в своей преданности истинному богу, дхармакае буддийской махаяны"^{30а}. В свете сказанного становится ясным, как теория всеобщей относительности Нагарджуны могла стать фундаментом религии всеобщего спасения или, во всяком случае, философским выражением этой идеи³¹.

Только принимая интерпретацию махаянической концепции, выдвинутую нашим замечательным соотечественником,

³⁰ Там же, с.75.

^{30а} С.Радхакришнан. Индийская философия. Т.1, М., 1956, с.561.

³¹ Подробнее об этом см.: А.Н.Зелинский. Идея космоса в буддийской мысли. — Страны и народы Востока. Вып. XV. М., 1973, с.322—339; Ср. также: A.N.Zelinsky. The Buddhistic Cosmos and Tibetan Tradition. — Studies in Pali and Buddhism. A Memorial Volume in Honor of Bhikkhu Jagdish Kashyap. Delhi, 1979, с.383—387.

мы можем уяснить себе сущность того огромного духовного сдвига, который в начале нашей эры превратил буддизм в мировую религию. Это произошло в государстве кушан, где, согласно индийской традиции, при правителе Канишке, в конце I в. н.э., на великом буддийском соборе в Кашмире в присутствии Нагарджуны были сформулированы догматы новой церкви, что вызвало раскол среди буддистов³². "Никогда не было полностью осознано, — писал Ф.И.Щербатской, — какая радикальная революция трансформировала буддийскую церковь, когда новый дух, дотоле таившийся в ней, возник в блеске славы в первые века нашей эры. Сравнивая атеистическое, отвергающее душу философское учение о пути личного конечного освобождения, — состоящего в абсолютном уничтожении жизни и простом почитании памяти его земного основателя, — с заменившей его величественной церковью с верховным богом, окруженнym многочисленным пантеоном с сонмом святых, религией очень набожной, обрядовой и церковной, с идеалом спасения всех живых существ, спасения божественной милостью будд и бодхисаттв, спасения не в уничтожении, а в вечной жизни, — мы можем с полным основанием утверждать, что история религии едва ли была свидетелем подобного раскола между старой и новой верой, продолжающих, однако, претендовать на общее происхождение от одного и того же религиозного основателя".

В свете сказанного становится ясным, почему с махаяной связано возникновение знаменитого гандхарского искусства, которое явилось не чем иным, как первой иконографией новой религии, и очаг которого, вспыхнувший на севере Индии в начале нашей эры, за несколько столетий распространился по Центральной Азии и дошел до Дальнего Востока. Становится ясным и то, почему именно махаяна коренным образом изменила положение мирян, сделав их в соответствии с принципом всеобщего спасения полноправными членами новой буддийской церкви³³.

Несмотря на всю важность исследования Ф.И.Щербатского о махаяне, его точка зрения была принята далеко не всеми его современниками и в настоящее время разделяется далеко не всеми буддологами. Одним из блестящих представителей школы Ф.И.Щербатского, воспринявшим и развившим махаяническую концепцию своего учителя, был Е.Е.Обермиллер, который был настолько хорошо знаком³⁴ с

³² Причины этого раскола, равно как и роль кушан в формировании махаяны, затронуты в статье: А.Н.Зелинский. Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан. — Страны и народы Востока. Вып. V. М., 1967, с.236—257; см. также: А.Н.Зелинский. Кушаны и махаяна. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.2. М., 1975, с.223—236.

³³ Эта особенность махаяны, открывшая доступ к религии светским людям, была отмечена впервые В.П.Васильевым в работе "Буддизм, его история, догматы и литература" (Ч.1. СПб., 1857, с.157).

живой буддийской традицией, что его исследования нирваны носят совершенно уникальный характер³⁵. Так же понимал махаяническую нирвану и Б.Б.Барадийн³⁶.

Как мы уже отметили выше, в настоящее время далеко не все буддологи как на Западе, так и на Востоке трактуют махаяническую доктрину в духе Ф.И.Щербатского. Так, Эдвард Конзе, отдающий должное Федору Ипполитовичу как крупнейшему буддологу, придерживается совершенно иного взгляда на доктрину шуньяты. "Доктрина "пустоты", — пишет он, — ставит в тупик более, нежели что бы то ни было другое. Как теоретическое положение она содержит мало смысла и, вероятно, равнозначна просто утверждению нигилизма"³⁷. В этих положениях нельзя не видеть отголосков полемики Ф.И.Щербатского с Валле-Пуссеном. В духе нигилизма истолковывает, например, философию Нагарджуны С.Дасгупта. "Даже Будда и его учение, — говорит он о трактовке Нагарджуны, — являются в действительности лишь видимостью, подобно миражу или сновидению, или веревке, принятой за змею"³⁸. Однако другой индийский исследователь, Т.Мурти, полностью разделяет позиции Федора Ипполитовича, явившиеся для него отправной точкой в работе над монографией, посвященной системе мадхьямика. "Система мадхьямика, — пишет он, — это поворотный пункт в истории буддизма. Это центральная или стержневая система"³⁹. Сам Федор Ипполитович, как бы обращаясь к своим идейным противникам, так характеризует систему мадхьямика в своей последней опубликованной работе: "Философия мадхьямика является доктриной, официально исповедуемой тибетской церковью. Было бы в высшей степени странным интерпретировать торжественную и пышную кафоличность этой церкви как замаскированный нигилизм"⁴⁰.

Несмотря на некоторые сдержанные отзывы (например, рецензия Е.Томаса)⁴¹, труд Ф.И.Щербатского о нирване был оценен должным образом широким кругом востоковедов-буд-

³⁴ E.E.Obermiller. A Study of the Twenty Aspects of Śūnyatā. — "The Indian Historical Quarterly", vol.IX, № 1. Calcutta, 1933; Nirvāna according to the Tibetan tradition. — "The Indian Historical Quarterly", vol.X, № 2. Calcutta, 1934; The term Śūnyata and its different interpretations. — "Journal of the Greater India Society", vol.1, № 2. Calcutta, 1934.

³⁵ В его переводе с тибетского "Беседы буддийских монахов" тибетец Шираш в следующих словах поясняет своим собеседникам сущность буддизма: "Сущность Закона — Закон относительности, одухотворенный чувством великого сострадания". (Б.Б.Барадийн. Беседы буддийских монахов. — МАЭ. Т.5. Л., 1917—1925, с.640).

³⁶ E.Sonne. Buddhist Thought in India, c.242.

³⁷ S.Dasgupta. Indian Idealism. Cambridge, 1962, c.XIII.

³⁸ T.R.V.Murti. The Central Philosophy of Buddhism. L., 1965, c.5.

³⁹ Th. Stcherbatsky. Madhyānta-Vibhaṅga. M.—L., 1936, c.VII. (Bibl. Buddh. XXX).

⁴⁰ "Journal of the Royal Asiatic Society". Р. 4. L., 1927, с.881—883.

долгов. "Пусть же автор этого труда, — писала в своей рецензии С.А.Ф.Рис-Дэвидс, — еще долго здравствует, чтобы обогатить нас всем тем, во что с самого начала так глубоко проникла его гениальная эрудиция"⁴¹. Ю.Н.Рерих называл эту работу "бесценной для изучения буддийского монизма, представленного школой мадхьямиков"⁴². О том, насколько животрепещущие проблемы философии махаяны затронул и осветил Ф.И.Шербатской в своем труде о нирване, свидетельствует, например, и то обстоятельство, что спустя тридцать лет после своего первого опубликования эта работа была переведена на японский язык⁴³. Не будет преувеличением сказать, что и в настоящее время работа "The Conception of Buddhist Nirvāna", или, как ее назвал сам автор, "The Central Conception of Mahāyāna", является фундаментом буддологических исследований в этой области.

Занимаясь переводами и исследованиями буддийских текстов, Ф.И.Шербатской не порывал полностью и с экспедиционной работой. Так, в 1924 г. он вторично побывал в Забайкалье, командированный туда Академией наук СССР для поисков новых буддийских рукописей из старых дацанов и для налаживания научных контактов с местными учеными — ламами. Большое значение для развития отечественной буддологии имели командировки в Забайкалье его учеников М.И.Тубянского, Е.Е.Обермиллера, А.И.Вострикова и Б.В.Семичова в 1927—1931 гг. В частности, Е.Е.Обермиллеру и А.И.Вострикову удалось найти в Забайкалье много новой буддийской литературы и близко познакомиться с живой ламской традицией. Подчеркивая важность такого научного контакта, Ю.Н.Рерих писал, что "сотрудничество русских ученых с монгольскими учеными является характерной чертой русских исследователей в области северного буддизма"⁴⁴.

В 1927 г. Ф.И.Шербатской вел подготовительную работу для издания "Энциклопедии буддизма", а с 1928 г. возглавил организованный при АН СССР Институт буддийской культуры (ИНБУК), об учреждении которого С.Ф.Ольденбург писал: "Создание Института буддийской культуры явилось результатом большой, быстро расширившейся в среде Академии работы в этой важной области мировой культуры. Давно уже работы наших ученых заняли здесь выдающееся место. Появление ряда молодых, энергичных и талантливых сил позволило приступить к настоящей организации работы в четырех секциях: Индии, Тибета, Монголии, Китая и Японии. ИНБУК, следуя в этом отношении общему методу работы Академии, увязав свою работу с нашими местными силами в Союзе и со специалистами на Востоке и на Западе"⁴⁵.

⁴¹ "Bulletin of the School of Oriental Studies". Vol.4. P.4. L., 1928, c.852—853.

⁴² G.N.Roerich. Indology in Russia. — "The Journal of the Greater India Society". Vol.XII, 2. Calcutta, 1945, c.86.

⁴³ Дайдзэ бунке гайрон. Токио, 1957 (пер. Канаока Сюю Яку).

⁴⁴ G.N.Roerich. Indology in Russia, c.94.

⁴⁵ Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. Т.1. Л., 1929, c.XI.

В состав ИНБУКа вошли молодые научные работники санскритологи, тибетологи, монголисты и китаисты Е.Е.Обермиллер, А.И.Востриков, Б.В.Семичов, Б.А.Васильев и Е.Н.Козеровская (впоследствии Санскритяян). После реорганизации востоковедных учреждений АН СССР в 1930 г., выразившейся в слиянии Азиатского музея, Института буддийской культуры и Туркологического кабинета в единый Институт востоковедения АН СССР, Ф.И.Шербатской возглавил индо-тибетский кабинет нового института.

Целью ИНБУКа было всестороннее изучение как буддийской культуры и ее форм в процессе исторического развития, так и ее современное состояние в различных странах и среди различных народностей, что в известной мере оставалось в первое время и задачей индо-тибетского кабинета ИВ АН СССР. Во всяком случае, основы работ Е.Е.Обермиллера, А.И.Вострикова и Б.В.Семичова были заложены именно в ИНБУКе под непосредственным руководством Ф.И.Шербатского. В известной мере, хотя и в несколько другом аспекте, эта работа ведется сейчас и сектором буддологии Института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР.

В том же, 1928 г. Ф.И.Шербатской в связи с избранием его членом совета *Gesellschaft für Buddhismus-Kunde* (Общества для изучения буддизма), основанного в Гейдельберге М.Валлезером, был командирован туда и достиг соглашения о координации работы ИНБУКа и Гейдельбергского общества по изучению буддизма. В следующем году Ф.И.Шербатской в сотрудничестве со своим учеником Е.Е.Обермиллером опубликовал санскритский и тибетский текст сочинения "Абхисамаяланкара-праджняпарамита-упадеша-шастра"⁴⁶ ("Краса ясновидения, т.е. научное наставление о запредельной мудрости"), положив этим начало исследованию обширной литературы праджняпарамиты, которое было продолжено в Институте по изучению буддийской культуры Е.Е.Обермиллером. Трудно переоценить всю важность изучения этой литературы для понимания северного буддизма, литературы, возникшей на рубеже нашей эры и отразившей в себе те решительные сдвиги, которые произошли в буддизме в эту эпоху и благодаря которым он смог превратиться в мировую религию. Федор Ипполитович был одним из первых ученых, глубоко заинтересовавшихся проблемой сутр праджняпарамиты, чему он посвятил одну из своих ранних работ⁴⁷.

По своей форме сочинение "Абхисамаяланкара" является толкованием на сутры праджняпарамиты, а по своему содержанию — систематическим изложением доктрины праджняпарамиты с ее практической стороны. "Абхисамаяланкара" — одна из пяти работ, которые, согласно тибетской традиции,

⁴⁶ Th. Stcherbatsky. *Abhisamayālānkāra-prajñāpāramitā-upadeśa-sāstra*. Leningrad, 1929 (Bibl. Buddh., XXXIII).

⁴⁷ Ф.И.Шербатской. О приписываемом Майтрейе сочинении *Abhisamayālankara*. — "Известия Академии наук". Т.1, № 5. СПб., 1907, с.115—117.

приписываются основателю школы йогачаров бодхисатве Майтреи (270 – 350 гг. н.э.), историчность которого теперь принимается большинством буддологов⁴⁸. В предисловии к изданию этого труда Ф.И.Щербатской писал: ""Абхисамаяланкара" является основополагающим трудом для изучения буддийской доктрины о пути морального очищения и достижения состояния буддийского святого в махаяне и махаянического Будды в его благословенной нирване. Если абхидахарма, прамана и учение мадхьямиков представляют три фазы буддийской философии, то абхисамая представляет буддизм как религию. Термин "абхисамая" означает непосредственную интуицию абсолюта... Праджняпарамита – это монизм, это такое знание, где объединяются субъект и объект, это также сам Будда, персонифицированный в своем "Космическом Теле""⁴⁹.

Значение труда "Абхисамаяланкара" заключается еще и в том, что это одна из первых работ, где систематически изложено учение о "Трех телах Будды", Учение, возникшее в среде кушан в эпоху Ашвагхоши (I – II вв. н.э.)⁵⁰ и проложившее черту разделения между махаянической доктриной и всеми другими философскими и религиозными системами Индии, и прежде всего ведантой (несмотря на ряд внешних черт сходства ее с махаяной). Глубокий философский анализ сочинения "Абхисамаяланкара" был дан Е.Е.Обермиллером в одной из его последних работ⁵¹.

Изучению литературы праджняпарамиты Ф.И.Щербатской придавал первостепенное значение как содержащей, по его словам, "учение о наивысшей мудрости, где философия идеалистического монизма переплетается с удивительно богатой картиной мистических переживаний – области в высшей степени интересной для историка, так как в ней, по всей вероятности, следует искать источник многих учений христианских гностиков о Софии, Премудрости Божией"⁵².

Из поздних работ Ф.И.Щербатского самым важным является вышедшее в 1930 – 1932 гг. двухтомное исследование

⁴⁸ См.: T.R.V.Murti. *The Central Philosophy of Buddhism*, c.107.

⁴⁹ Th. Stcherbatsky. *Abhisamayālankāra-prajñāpāramitā-upadeśa-sāstra*, c.IV.

⁵⁰ P.Masson-Oursel. *Les Trois Corps du Buddha*. – "Journal Asiatique". T.1, № 3. Р., 1913, c.594 – 595; Ср.: O.O.Розенберг. Проблемы буддийской философии, с.254.

⁵¹ E.E.Obertüller. *Analysis of the Abhisamayālankāra*, fasc. 1 – 2. Calcutta, Oriental Series, № 27. London, 1933.

В 1930 г. Е.Е.Обермиллер под руководством Ф.И.Щербатского перевел с тибетского труд Майтреи "Уттаратантра", являющийся в философском отношении едва ли не самым важным из всех пяти трудов этого автора (См.: E.E.Obertüller. *The Sublime Science of the Great Vehicle of Salvation being a Manual of Buddhist Monism*. – "Acta Orientalia". Vol. IX. Lpz., 1931).

⁵² Ф.И.Щербатской. Записка об ученых трудах проф. М.Валлезера. – "Записки об ученых трудах чл.-корр. АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.". Л., 1930, с.14.

"Buddhist Logic", которое можно считать итогом его деятельности на поприще буддийской философии. В предисловии к своему труду Федор Ипполитович писал: "Более двадцати лет прошло с тех пор, как мы впервые дали трактовку предмета буддийской логики и эпистемологии в том плане, в каком он изучался в школах махаянического буддизма. Нашим единственным источником в то время был Ньяябинду, этот ценнейший санскритский осколок когда-то обширной литературы. С того времени наши знания об этом предмете значительно обогатились. Важные санскритские тексты были обнаружены и опубликованы в Индии. Внутренняя и взаимная связь индийских систем стали известны лучше. Тибетская литература показала себя почти неисчерпаемым источником информации... Ньяябинду не является теперь одиночкой скалой в неведомом море. Буддийская логика выявляет себя как кульминационный пункт долгого пути индийской философии. Ее рождение, рост и упадок развиваются параллельно с рождением, ростом и упадком индийской цивилизации. Пришло время вновь рассмотреть предмет буддийской логики в ее исторических взаимосвязях". Это и сделано в двух томах этого труда. Во втором из них, вышедшем в 1930 г., содержится заново пересмотренный перевод труда Дхармакирти с комментариями Дхармоттары, снабженный обширными примечаниями Щербатского. Второй том является как бы фундаментом первого тома, который содержит исторический обзор и синтетическую реконструкцию всего здания буддийской философии на ее заключительном этапе. "Эта работа, – писал Щербатской о первом томе "Буддийской логики", – представляет на обсуждение историку азиатской культуры, санскритисту-филологу и вообще философи". Действительно, в этом труде не только содержится исчерпывающее изложение учения школы Дигнаги во всех возможных аспектах, но и дается критический и сравнительный обзор всех важнейших школ индийской философии. Характерно, что логика Дигнаги рассматривается автором в связи с логическими системами европейской мысли. В заключительной, пятой главе Ф.И.Щербатской дает интереснейший пример своеобразного и воображаемого симпозиума с участием Парменида, Демокрита, Нагарджуны, Дигнаги, Декарта, Спинозы, Канта, Бэркли и других философов Востока и Запада.

Однако известно, что Дигнага был не только выдающимся логиком своего времени, но и одним из выдающихся пропагандистов буддизма. В этой связи особый интерес представляют буддологические взгляды его школы, которые, естественно, почти отсутствуют в трактате, посвященном сугубо логическим проблемам. Однако, как отмечает Щербатской, "сам Дхармакирти особенно ясно и подчеркнуто заявил, что абсолютный всеведущий Будда является метафизической сущностью, чем-то вне времени, пространства и опыта и что поэтому мы, обладая логическим мышлением, ограниченным миром опыта, не можем ни думать, ни высказывать что-либо определенное о нем; мы не можем ни ут-

верждать, ни отрицать его существование". Таких же позиций в области буддологии придерживалась Кашмирская, или философская, школа комментаторов Дигнаги, основателем которой был Дхармоттара и которая ставила свою целью раскрытие глубоко философского содержания системы Дигнаги и Дхармакирти. "Согласно этой школе, — пишет Ф.И.Щербатской, — Будда как персонификация абсолютного бытия и абсолютного знания, т.е. Будда махаяны, является метафизической сущностью и поэтому непознаваем для нас ни посредством утверждения, ни посредством отрицания". Этот взгляд напоминает отрицательное богословие старшего современника Дигнаги — знаменитого Дионисия Ареопагита⁵³.

В сфере буддологии эта точка зрения с неизбежностью приводит к признанию сверхразумности, или металогичности, Будды, постигаемого только прямой мистической интуицией. Таким образом, позиция йогачаров в этом вопросе не отличается принципиально от взгляда мадхьямиков.

В отличие от своего первого труда ("Теория познания и логика по учению позднейших буддистов"), посвященного буддийской логике и философии, где Ф.И.Щербатской в значительной мере подошел к системе Дхармакирти с позиций кантианства (хотя никогда не отожествлял принципы этих двух мыслителей), в своем последнем монографическом исследовании он ясно выразил свою точку зрения на соотношение буддийской и европейской логики словами: "Это логика, но не аристотелевская, это эпистемология, но не кантианская".

В критической логике и эпистемологии Дигнаги и Дхармакирти Ф.И.Щербатской видят заключительный этап третьего и последнего периода в развитии буддийской философии, представленной махаянической школой йогачаров: "История буддизма в Индии может быть разделена и разделяется самими буддистами на три периода, которые они называют тремя "поворотами Колеса Закона". На протяжении всех периодов буддизм оставался верным своей центральной концепции динамического безличного потока существования. Но дважды в его истории — в I и V вв. н.э. — интерпретация этого принципа радикально менялась, поэтому каждый период имеет свою собственную новую центральную концепцию". Периодизация, предложенная Федором Ипполитовичем, помогает нам глубже понять историческое развитие буддизма и в целом не может вызвать принципиальных возражений. Однако степень изменения "центральной концепции" буддизма в каждый из указанных периодов, по-видимому, не была одинаковой. Если мы можем констатировать

⁵³ См., например: В.Н.Лосский. Отрицательное богословие в учении Дионисия Ареопагита. — "Seminarium Kondakovianum". III. Praga, 1929, с.136—144; Völk e r. Kontemplation und Extase bei Pseudo-Dionysios Areopagita. Wiesbaden, 1958. Из ранних буддийских текстов о непостижимости и неизреченности абсолюта достаточно краткоречиво говорит современная Нагарджуне "Вималакирти-сутра" (см.: D.T.Suzuki. Mahayana Buddhism. L., 1907, с.106—107).

радикальное изменение в буддийских школах на рубеже нашей эры от плурализма к монизму, выраженному Нагарджуной и его школой мадхьямиков, то те изменения, которые буддизм претерпел в V в. н.э. с образованием школы йогачаров, едва ли можно считать столь же значительными по своим последствиям. Ибо если в первом случае речь идет о создании новой философской системы, легшей в основу махаянической доктрины буддийской церкви и противопоставившей себя всей предыдущей философской концепции, то образование школы йогачаров надо рассматривать скорее как изменение вторичного порядка, происшедшее уже в пределах самой этой новой системы. Это изменение в религиозном отношении следует расценивать не как новую веру, а как новое исповедание той же самой веры.

Но в намерение тех, кто первоначально способствовал развитию буддийской логики, не входила специальная связь ее с буддизмом как с религией, т.е. как с учением о "путях к спасению". "Логическая система, по замыслу ее создателей, — пишет Ф.И.Щербатской, — по-видимому, не имела специальной связи с буддизмом как религией, т.е. как с учением о "путях к спасению". Она претендует на роль естественной и общей логики человеческого разума. Вместе с тем она претендует также и на критичность. Те сущности, бытие которых недостаточно гарантируется законами логики, безжалостно отвергаются, и в этом отношении буддийская логика только сохраняет верность тем идеям, с которых буддизм и начинался... Конечная цель буддийской логики — объяснение отношения между динамичной реальностью и статичными конструкциями мысли".

Таким образом, логика буддистов противопоставляла себя логике реалистов школы ньяя, вайшешика и миманса, для которых сама реальность была статична и адекватна концепциям нашего сознания.

Вопросы, затронутые Ф.И.Щербатским в этой монографии, настолько значительны, а интеллектуальный горизонт автора так широк, что труд этот еще долго будет являть собой образец исследования, где ученый, преодолевший все лингвистические барьеры источников, свободно оперирует самыми сложными и разнообразными философскими построениями.

Рис-Дэвидс в своей рецензии на "Буддийскую логику" дала высокий отзыв этому капитальному исследованию Ф.И.Щербатского⁵⁴. Говоря об этом труде, Ю.Н.Рерих отмечал, что "данная работа долгое время будет фундаментом дальнейших исследований на поприще этой сложной, но весьма важной ветви буддийской философской литературы"⁵⁵, Эдвард Конзе называет "Буддийскую логику" "шедевром первостепенного значения"⁵⁶. "Мы не ошибемся, — пишет проф.

⁵⁴ C.A.F.Rhys-Davids. — "The Journal of the Royal Asiatic Society". Р. 2. L., 1934, с.364.

⁵⁵ G.N.Roerich. Indology in Russia, с.86.

⁵⁶ E.Conze. Buddhist Thought in India, с.10.

Дхармендра Натх Шастри, — если скажем, что "Буддийская логика" является величайшим произведением индийской философии за последние 250 лет не только потому, что она дает четкое и ясное изложение логики и эпистемологии школы Дигнаги, но и потому, что в ней критически рассматривается и блестяще объясняется ньяя-вайшешика"⁵⁷.

Последним из опубликованных трудов Ф.И.Щербатского был перевод с санскрита пяти глав трактата "Мадхьянта-вибханга", одного из основополагающих философских сочинений школы йогачаров, посвященного проблеме абсолюта. Этот трактат, так же как упомянутая выше "Абхисамаяланкара" и "Уттарантантра", приписывается традиции бодхисаттве Майтреи и входит в число пяти знаменитых религиозно-философских сочинений школы йогачаров. "Этот перевод, — по словам Ф.И.Щербатского, — имеет своей целью дать понятное изложение буддийских идей, поэтому, за редким исключением, в нем избегнута непереводимая терминология; в нем сделана попытка перевести буддийские технические термины более или менее соответствующими эквивалентами из европейской философии. Этот метод представляется мне обнадеживающим, так как, по моему мнению, индийская философия достигла очень высокого уровня развития и главные линии этого развития идут параллельно с теми направлениями, которые знакомы изучающим европейскую философию. Индия имеет параллели нашему рационализму и нашему эмпиризму, она обладает системой эмпирического идеализма и системой спиритуалистического монизма, она обладает прежде всего логикой и, что совершенно поразительно, эпистемологией. В этой эпистемологии буддийские авторы занимают ведущую роль"⁵⁸.

Основной интерес в трактате "Мадхьянта-вибханга" представляет пятая глава, посвященная разъяснению трактовки термина "шуньята" школой йогачаров, которая противопоставляет свою точку зрения взгляду мадхьямиков. "Термин "шуньята", — пишет Ф.И.Щербатской, — является нововведением махаяны, нововведением, с необходимостью сделанным в ходе философского развития. Зачатки его обнаруживаются и в хинаяне, но махаяна дала этому термину совершенно новую интерпретацию, в связи с чем две главные школы махаяны решительно разделились"⁵⁹. Суть этой полемики йогачаров с мадхьямиками сводится к следующему: для йогачаров "шуньята" означает нереальность отношения субъекта и объекта при реальности монистического абсолюта, лежащего в основе такого отношения. Иными словами, для них феноменальная, или относительная, реальность является как бы основанием абсолютной реальности. Однако в этой феноменальной реальности йогачары допускали существова-

⁵⁷ Д.Н.Шастри. Вклад Ф.И.Щербатского в развитие индийской философии. — "Краткие сообщения института Востоковедения". XXVIII. М., 1958, с.76.

⁵⁸ Th. Stcherbat sky. *Madhyānta-vibhaṅga*, c.IV.

⁵⁹ Там же, с.V.

ние абсолютного элемента (свалакшана), наиболее соответствующим эквивалентом которого в европейской философии является, согласно точке зрения Ф.И.Щербатского, кантовская "Ding an sich" ("вещь в себе"). Таким образом, перед нами концепция двух абсолютов, один из которых представляет "вещь в себе", т.е. мгновенную точку реальности (дхарма), другой — ее вечное всеобъемлющее содержание (дхармата). Применяя кантовскую терминологию, можно сказать, что один из этих абсолютов трансцендентален, т.е. умопостижаем, а другой трансцендентен, т.е. сверхразумен⁶⁰. В аналогичном смысле понимал сущность этой системы В.П.Васильев, который писал: "Йогачары почитают основанием для разделения двух истин познаваемое, которое бывает или Дарма, или Дармадату, т.е. наружность и сущность (?), из которых первое не существует, а второе, наоборот, и есть подлинное бытие"⁶¹. Однако мадхьямики отвергают эту концепцию йогачаров о двух абсолютах. "Для них, — пишет Ф.И.Щербатской, — эти два абсолюта являются относительными, как и все остальное. Они не допускают исключения из их принципа всеобщей относительности..."⁶². При этом Ф.И.Щербатской подчеркивает, что это вовсе не означает того, что мадхьямики являются нигилистами, в чем они обвинялись в полемическом пылу йогачарами, так же как и европейскими учеными палийской школы. Подводя итоги своему переводу и исследованию трактата "Мадхьянта-вибханга", он пришел к заключению, что это сочинение отвергает всеобщий релятивизм мадхьямиков, так же как и плюрализм хинаяны, и благодаря точному различию между проявленным и реальностью устанавливает свою систему спиритуалистического монизма⁶³.

Отдавая должное проницательности своего великого предшественника на поприще буддийской философии В.П.Васильева, Ф.И.Щербатской писал: "На заре европейской индологии велась полемика между знаменитым французским ученым Е.Бюруном и знаменитым русским ученым В.Васильевым по поводу того, из каких источников буддизм может быть понят лучше — из индийских или китайских и тибетских. Согласно первому, только индийские источники дают свидетельство об истинном буддизме, согласно второму, буддизм во всей полноте своего развития может быть понят только из китайских и тибетских источников, взятых в дополнение к индийским. Точка зрения Васильева дала ему возможность определить точное значение решающего гермина "шуньята" (*śūnyatā*), в котором он обнаружил поддиалектической терминологией идею, схожую с "абсолютной идеей" Гегеля. Настоящий перевод дает красноречивое подтверждение открытию Васильева, сделанному сто лет тому

⁶⁰ Там же, с.VI.

⁶¹ В.П.Васильев. Буддизм, его догматы, история и литература. Т. I—III. СПб., 1857—1869, с.296.

⁶² Th. Stcherbat sky. *Madhyānta-vibhaṅga*, c.VII.

⁶³ Там же, с.VIII.

назад, в то время, когда палийская школа не видела в махаяне ничего, кроме вырождения и нигилизма"⁶⁴.

Мы считаем необходимым упомянуть также еще одну работу над трудом индийского мыслителя, руководителем и редактором которой был Ф.И.Щербатской. Речь идет о переводе с санскрита политico-экономического трактата Каутильи "Артхашастра". Перевод осуществлялся С.Ф.Ольденбургом и сотрудниками индо-тибетского кабинета Института востоковедения АН СССР в начале 30-х годов. Издана "Артхашастра" была лишь в 1959 г.⁶⁵. Подготовку этого труда к печати осуществил В.И.Кальянов, отредактировав перевод с учетом новых материалов.

Ф.И.Щербатской вместе с С.Ф.Ольденбургом стоял во главе всемирно известного издания "Bibliotheca Buddhica", возникшего по инициативе русских ученых в конце прошлого века и ставившего своей целью систематические публикации памятников буддийской литературы на санскритском и других восточных языках, дабы сделать их доступными для широких кругов востоковедов всего мира, а ученых-буддологов в особенности. Первый выпуск этой серии — "Шикшасамуччая" под редакцией проф. Бендалля — вышел в 1897 г. и был отмечен решением Парижского конгресса ориенталистов, постановившего выразить благодарность Академии наук за полезное издание. Восторженные отзывы появились уже в 1898 г. в таких журналах, как "Journal of the Royal Asiatic Society" (Англия), "Englishman" (Индия), "Journal des Savants" (Франция) и "Indian Antiquary" (Индия).

При жизни Ф.И.Щербатского вышло 30 различных выпусков этой серии, в том числе 11 выпусков при его участии. Серия "Bibliotheca Buddhica" прекратила свое существование в 1936 г. выпуском (XXX), в котором Федор Ипполитович опубликовал уже упомянутую выше работу "Мадхьянтивбханга". Спустя 34 года, в 1960 г., по решению Президиума АН СССР эта серия вновь обрела право на существование. В ее редколлегию вошли ведущие индологи во главе с ныне покойным профессором Ю.Н.Рерихом. Весной 1960 г. вышел в свет XXXI выпуск этой серии — "Дхаммапада" в переводе В.Н.Топорова и под редакцией Ю.Н.Рериха. В 1962 г. в XXXII выпуске серии вышел труд А.И.Вострикова "Тибетская историческая литература", посвященный автором своему учителю и другу Ф.И.Щербатскому (к его 70-летию).

Оценивая деятельность "Bibliotheca Buddhica" почти за сорок лет, Ф.И.Щербатской писал: "Оглядываясь на пройденный путь, приходится сказать, с одной стороны, что сделано очень много, с другой же стороны, принимая во внимание грандиозность задачи, нужно сказать, что сделано не все, что работа требует продолжения. Теперь уже, конечно, никто не скажет, что буддийская литература представляет нам в состоянии полной неопределенности. Мы научились

отличать литературу религиозную от научной, труды по астрономии, математике, медицине, философии и логике; труды по живописи, архитектуре и технике, а также отличать литературу повествовательную, народную от высокой искусственной поэзии; мы научились понимать интереснейшие трактаты о сущности и форме поэтического творчества. Мы научились также различать две основные фазы буддизма — начальную, когда он не был религией, а скорее философской системой реалистического плюрализма, и позднейшую, когда на фоне философского монизма он превратился в пышную кафолическую религию. Мы научились отличать буддизм собственный от разных чуждых ему по духу теорий, мистических и даже изуверных, которые с течением времени к нему присоседились и его обрастили. Оглядываясь на все эти достижения, можно действительно сказать, что, конечно, сделано немало. Тем не менее "Bibliotheca Buddhica" только приподняла завесу над массой еще неизвестной литературы"⁶⁶.

Федор Ипполитович скончался 18 марта 1942 г. в местечке Боровое (Северный Казахстан), куда он был эвакуирован из Ленинграда вместе с другими учеными в начале Отечественной войны по распоряжению Академии наук СССР.

Со времени кончины Ф.И.Щербатского прошло более 40 лет. За это время мировая буддология не стояла на месте, открывались новые тексты, делались новые переводы, пересматривались прежние положения. Но, несмотря на это, то направление, которое дал русской и мировой буддологии Ф.И.Щербатской, продолжает творчески жить и поныне, и, если сторонники иных концепций порою и не соглашаются с рядом положений, выдвинутых Ф.И.Щербатским, они не могут обойти их молчанием, ибо за ними кроется огромный труд, неисчерпаемая эрудиция и глубокое проникновение в самую суть разбираемых вопросов. Для традиции русской школы буддологов идеи Ф.И.Щербатского особенно цепны, так как связывают понимание буддизма не только с изданием, переводом и оригинальной интерпретацией древних текстов, но и с живой буддийской традицией. "Через буддизм, — по выражению Ф.И.Щербатского, — Индия становится нашим соседом на всем протяжении нашей азиатской границы от Байкала до нижней Волги"⁶⁷. Развивая свою мысль, Федор Ипполитович далее писал: "При такой загадочности буддийской литературы и колоссальном ее значении для всей Центральной и Восточной Азии и при близком ее к нам соседстве кому, как не русским ученым, надлежало в первую очередь ее изучить и систематизировать"⁶⁸.

О том, какое значение придавал Ф.И.Щербатской изучению в нашей стране индийской философии, свидетельствует

⁶⁴ Там же, с. V.
⁶⁵ Артхашастра, или Наука политики. М.-Л., 1959.

⁶⁶ Там же, с. 18.

⁶⁷ Там же, с. 19.

его записка в Президиум Академии наук, написанная в последние годы его жизни: "Объединить должен был бы все востоковедные кабинеты плана философского обследования Востока, план изучения философского культурного наследства, общего всем странам Востока. Известно, что интерес к изучению Востока зародился в Европе давно. Философией Востока интересовались и Гегель, и Шопенгауэр, и Маркс, и Энгельс. Энгельс даже обратил внимание на то, что индусы являются первыми, открывшими законы диалектического развития понятия. Но все это было основано на отрывочных, случайных и неполных данных. В настоящее время познания наши расширились и углубились. Источником философских идей всего Востока нужно признать Индию. Отсюда исходили в разное время периодические волны мысли, захватывавшей и Восток и Запад. Самое значительное такое движение относится к V–VII вв. после Рождества Христова. Движение это тогда охватило Тибет, Китай, Японию, Корею, Монголию – на востоке, а на запад распространялось через Афганистан, Персию – вплоть до Египта. Настало время осуществить обозрение всего этого мощного движения и попытаться создать, с одной стороны, его историю, а с другой, его, так сказать, инвентарь, т.е. каталог философских идей, четко сформулированных, которые в разные времена и в разные эпохи владели умами народов Востока. Большинство этих идей имеют реплики философской истории Запада"⁶⁹.

Эти слова Ф.И.Щербатского особую актуальность приобретают в настоящее время в связи с усилением культурных связей между Востоком и Западом и возросшей ролью Востока в культурной жизни всего человечества.

Заслуги академика Ф.И.Щербатского были высоко оценены мировой наукой. Он состоял почетным членом трех наиболее старых и авторитетных зарубежных научных обществ – английского Королевского Азиатского общества в Лондоне, французского Азиатского общества в Париже, немецкого Востоковедного общества в Берлине, а также членом-корреспондентом Геттингенской академии. Все эти почетные звания он получил как советский ученый в 30-е годы. Но особую известность и любовь он снискдал в Индии. Его труды получили высокую оценку Джавахарлала Неру⁷⁰, а проф. Дхармандра Натх Шастри в следующих словах выразил отношение Индии к памяти русского ученого: "Мы с благоговением чтим память Щербатского и глубоко благодарны его родине за то, что она дала миру великого ученого, который внес неоценимый вклад в развитие индийской философской мысли"⁷¹.

⁶⁹ Цит. по: В.И.Кальянов. Академик Федор Ипполитович Щербатской. – "Известия АН СССР". Т.5, вып.3, Отдел литературы и языка. 1964, с.252.

⁷⁰ Дж. Неру. Открытие Индии. М., 1955, с.177–178.

⁷¹ Д.Н.Шастри. Вклад Ф.И.Щербатского в развитие индийской философии, с.80.

Ф.И.Щербатской создал большую индологическую и буддологическую школу. Среди его учеников О.О.Розенберг, Е.Е.Обермиллер, А.И.Востриков, Б.Б.Барадийн, М.И.Тубянский, А.А.Сталь-Гольстейн, П.В.Ериштедт, А.А.Фрейман, Б.В.Семичов и В.И.Кальянов. В области буддологии имена трех его учеников – О.О.Розенберга, Е.Е.Обермиллера и А.И.Вострикова – получили мировое признание.

Настоящий очерк о жизненном пути Ф.И.Щербатского не претендует на исчерпывающее освещение всех сторон жизни и деятельности замечательного ученого; для этого понадобилось бы специальное исследование. Здесь дана попытка показать лишь наиболее важные вехи его научного пути и их роль в изучении буддизма в наше время. В своих буддологических исследованиях Ф.И.Щербатской затронул такие проблемы, которые всегда волновали и будут волновать человеческий ум. Не будет преувеличением сказать, что он заново открыл северный буддизм не только для европейской науки, но и для самой родины буддизма – Индии.

Б.В.Семичов, А.Н.Зелинский

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Ф.И.ЩЕРБАТСКОГО
И ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О НЕМ*

1. The Lundsadī plates of King Siladitya II, Gupta Samvat 350. — "Epigraphia Indica". Calcutta, /189/, vol.4, c.74—81.

1900 г.

2. Über das Haihayendracarita das Harikavi. — "Записки Имп. АН". По ист.-филол. отд-нию. СПб., 1900, т.4, № 9, с.Ⅲ—XII, 1—112. Имеется отд. отт.
То же: "Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St-Pb.", sér. 8, т.4, № 9, с.I—XII, 1—112.

1902 г.

3. Логика в древней Индии. — ЗВОРАО. СПб., 1902, т.14, вып.3, с.155—173.
4. Теория поэзии в Индии. — ЖМНП. СПб., 1902, ч.341, № 6, отд.2, с.299—329.
То же в кн.: Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962, с.270—299.

1903 г.

5. Индия. — В кн.: Большая энциклопедия. Под ред. С.Н.Южакова. Т.10. СПб., 1903, с.77—104, карта.
6. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч.1. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дармоттары. Ч.2. Учение о восприятии и умозаключении. — СПб., 1903—1909 (Изд. фак-та вост. языков Имп. СПб. ун-та, № 14).
То же: Ч.2. СПб., 1909. К кн.: O.O.Розенберг. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч.2. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918, VI, 380 с.Рец.: M.Duchesne. — "Journal Asiatique". Ser.X. T.XV. Р., 1910, с.164—168.
Перевод на нем. яз.: F.I.Schetscherbaekoj. Erkenntnistheorie und Logik nach der Lehre der späteren Buddhisten. Aus dem Russischen übers. von O.Straus. — "Zeitschrift für Buddhismus". München-Neubiberg, 1922, N.F., Jg.I, H.1—3, с.23—38; Hf.4—6, с.153—170; Hf.7—12, с.275—303.

* Составитель А.Н.Зелинский.

Sčerbacky (Stcherbatsky) Th. Erkenntnis theorie und Logik nach der Lehre der späteren Buddhisten, Tl.2. Aus dem Russischen übers. von O.Strauss. München — Neubiberg, 1924, VII, 296 с.

Перевод на франц. яз.: Th.Sčerbačsky. La théorie de la connaissance et la logique chez les bouddhistes tardifs. Trad. par I. de Manziarly et P.Masson-Oursel. Р., 1926, XI, 253 с. (Annales de Musée Guimet. Bibliothèque d'études, t.36).

Рец. на франц. изд.: E.J.Thomas. — "Journ. of the Royal Asiatic soc.". L., 1927, p.4 (Oct.), c.881—883; A.B.Keith. — "Bulletin of the School of Oriental Studies". L., 1927, vol.4, p.3, c.627—628.

V.R.R.Dikshitar. — "Indian Antiquary", 1928, c.132—133; J.Przyłuski. — "Journal Asiatique", avr.—juin 1928, c.376—379; W.Ruben. — "Orientalistische Literaturzeitung". Bd XXXI. Berlin-Leipzig, 1928, c.508—509.

1904 г.

7. Буддийский философ о единобожии. — ЗВОРАО. СПб., 1904, т.16, вып.1, с.058—074.
8. Nyāyabindu. Буддийский учебник логики, сочинение Дармакирти и толкование на него. Nyāyabindutikā, сочинение Дармоттары. Тибетский перевод санскритского текста издал с введ. и примеч. Ф.И.Щербатской. Т.1—2. СПб., 1904, IV, 222 с. (Bibl. Buddh., VIII).
9. Rapports entre la théorie buddhique de la connaissance et l'enseignement des autres écoles phillisiphiques de l'Inde. — "Muséon". Bruxelles, 1904, nouv. sér., vol.5, № 1, с.171.

1905 г.

10. Notes de littérature bouddhique. La littérature Yogacara d'après Boustan. — "Muséon". Bruxelles, 1905, vol.6, с.144—155.

1906 г.

11. Краткий отчет о поездке в Ургу. — "Известия Рус. ком-та для изучения Сред. и Вост. Азии в истор., археол., лингвист. и этногр. отношениях". СПб., 1906 г. № 6, с.19—22.

1907 г.

12. Определитель корней в тибетском языке. — Сборник статей, посвященных В.И.Ламанскому. Ч.І. СПб., 1907, с.642—656. Имеется отд. отт. (1905 г.).
13. О приписываемом Майтрею сочинении Abhisamayālāmīkāra. — "Известия Имп. АН". СПб., 1907, сер. 6, т.І, № 5, с.115—117.

1909 г.

14. Nyāyabindutikāpāṇī. Толкование на сочинение Дармоттары Nyāyabindutikā. Санскрит. текст с примеч., изд. Ф.И.Щербатской. СПб., 1909, IV, 43, 5 с. (Bibl. Buddh., XI).

1912 г.

15. Краткий отчет о командировке в Индию (в 1910 г.). — "Известия Рус. ком-та для изучения Сред. и Вост. Азии в истор., археол., лингвист. и этногр. отношениях". СПб., 1912, сер. 2, № 1, с.70—75.

1914 г.

16. Samtānātarasiddhi. Сочинение Дхармакирти. Тибетский пер., русск. пер. введ. /Сообщение/. — "Изв. Импер. АН". СПб., 1914, сер.6, № 5, с.319—320.

1916 г.

17. О проекте "Практической Восточной Академии" (Записка группы русских востоковедов). /Пг., 1916/. 15 (совместно с В.В.Бартольдом, Н.И.Веселовским, А.И.Ивановым, В.Л.Котвичем, И.Ю.Крачковским, Н.Я.Марром, С.Ф.Ольденбургом и А.Д.Рудневым).
18. Тибетский перевод сочинений Samtānātarasiddhi Dharmakirti и Samtānātarasiddhitika Vinitadeva вместе с тибетским толкованием, составленным Агваном Дандар-Лхарамбой. Изд. (и предисл.) Ф.И.Щербатского. Пг., 1916, XVIII, 129 с. (Bibl. Buddh., XIX).
19. Nyāyabindu — Буддийский учебник логики. Сочинение Дхармакирти и толкование на него. Nyāyabindutika. Сочинение Дармоттары. Санскритский текст издал с введ. и примеч. Ф.И.Щербатской. Fasc.1. Пг., 1918 (Bibl. Buddh., VII).
20. Sphuṭārtha Abhidharma-koṣavṛavyākhyā, the work of Yaçomitra. First Koṣasthāna. Ed. by S.Lévi and Th.Stcherbatsky. 1918, VII, 96 с. (Bibl. Buddh., XXI).
21. Учение о категорическом императиве у брахманов. — "Сб. Музея антроп. и этногр. при Рос. АН". Пг., 1918, т.5, вып.1, с.359—370.

1919 г.

22. Записка об учченых трудах профессора Сильвена Леви. — "Известия Рос. АН". Пг., 1919, сер. 6, т.13, № 1, с.63—64 (совместно с С.Ф.Ольденбургом и Н.Я.Марром).
23. The Soul Theory of the Buddhists. — "Известия Рос. АН". Пг., 1919, сер. 6, т.13, № 15, с.823—854; № 18, с.937—958.
24. Философское учение буддизма (лекция, чит. при открытии первой буддийской выставки в Петербурге 24 авг. 1919 г.). Пг., 1919, 48 с.

1922 г.

25. Дхармакирти. Обоснование чужой одушевленности. С толкованием Винитадева. Пер. с тибет. Ф.И.Щербатского. Пг., 1922, XV, 79 с. (Памятники индийской философии. Вып. 1).

1923 г.

26. Г.Бюлер. Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Пер. под ред. Ф.И.Щербатского. Стокгольм, 1923, 157 с. 2-е доп. изд. под ред. М.М.Кнороза. Львов, 1960, 215 с. (Львовск. гос. ун-т).
27. The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word "Dharma". — L., Royal Asiatic soc., 1923, 112 с. (Prise publ. fund., vol.1).
- Изд. 2-е: Calcutta, 1956.
Рец.: C.A.F.Rhys Davids. — "Bulletin of the School of Oriental Studies". L., 1924, vol.3, p.2, c.345—354; H.Jacoby.— "Deutsche Literaturzeitung". 1924, H.1, c.32—37. "The Quest". Vol.XII. L., 1923—1924, c.560; Die Brockensammlung. — "Zeitschrift für Angewandten Buddhismus", 1. Doppelht, 1925, c.107—109.
28. Дандин. Приключения десяти принцев. Пер. с санскрита Ф.Щербатского. — "Восток". М. — Пг., 1923, кн.3, с.50—82; М.-Л., 1924, кн.4, с.65—96; 1925, кн.5, с.16—46.
То же: М.:, 1964, с.173 (полный перевод).
29. Записка об учченых трудах Л.Я.Штернберга. — "Известия Рос. АН". Пг., 1924, сер.6, т.18, № 12—13, с.570—574 (совместно с С.Ф.Ольденбургом).
30. Научные достижения древней Индии. — "Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год, составленный С.Ф.Ольденбургом и читанный на заседании 2 февр. 1924 г.". Л., 1924, с.1—25:
То же в кн.: Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962, с.254—270 (напечатано с сокращениями).
31. Prof. Dr.O.Rosenberg. Eine geographische Skizz. In: Rosenberg, Otto. Die Weltanschauung des moderner Buddhismus im ferner Osten. Heidelberg, 1924, с.44—47.
32. Рец.: Otto Strauss. Des Viśvanātha Pañcānana Bhāttācārya Kārikāvalī mit des Verfassers eigenem Kommentator Siddhāntamuktaivali. Leipzig, 1922. — "Deutsche Literaturzeitung", 1924, H.12, с.1000—1005.

1926 г.

33. О рукописном наследии В.П.Васильева. — "Известия АН СССР". Л., 1926, сер.6, № 18, с.1815—1818 (совместно с М.И.Тубянским и С.Ф.Ольденбургом).
34. Über die Nyāyakanika des Vācaspatimisra und die indische Lehre vom Kategorischen Imperativ. — "Beiträge zur Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte Indiens. Festabe Hermann Jacobi". Bonn, 1926, с.369—380.
35. Рец.: L. de la Vallée Poussin. Nirvana. P., 1925 (Etudes sur l'histoire des religions, № 5). — "Bulletin of the School of Oriental Studies". L., 1926, vol.4, p.2, с.357—360.

1927 г.

36. Indices verborum Sanscrit — Tibetan and Tibetan — Sanscrit to the Nyāyabindu of Dharmakīrtī and the Nyāyabindūtikā of Dharmottara. Comp. by E.Obermiller with a pref. by Th. Stcherbatsky.

- From the edition of the Sanscrit and Tibetan texts by Th.Stcherbatsky. Vol.I-II. AH СССР, 1927-1928 (Bibl. Buddh., XXIV-XXV).
37. Институт изучения буддийской культуры. — "Известия АН СССР". Л., 1927, сер. 6, № 18, с.1701-1704 (совместно с С.Ф.Ольденбургом и М.И.Тубянским).
38. К истории материализма в Индии. — "Вост. записки" (Ленинград. ин-т живых вост. языков), 1927, т.1, с.1-10. Библиогр.
To же в кн.: Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962, с.246-235.
To же в кн.: Труды Бурятского института общественных наук. Улан-Удэ, 1968, вып.1. Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып.3, с.8-13.
Пер. на англ. яз.: Indian Studies. Calcutta, 1969, vol. 40, № 2, с.143-150.
39. The Conception of Buddhist Nirvāna. Л., АН СССР, 1927, VI, 246 с.
Рец.: E.J.Thomas. — "Journal of the Royal Asiatic society". L., 1927, p.4, Oct., c.881-883; W.Ruben. — "Orient. Literaturzeitung". Leipzig, 1928, Jg.31, № 7, 618-623; C.A.F.Rhys Davids. — "Bulletin of School of Oriental Studies". L., 1928, vol.4, c.852-853; S.N.Das Gupta. Some Aspects of Buddhist Philosophy. — "Modern Review". XLIV. Allahabad-Calcutta, 1928, c.62-71; J.Przyłuski. — "Journal Asiatique", avr.-juin 1928, c.376-379; L.Wallace. — "Zeitschrift fur Buddhismus und Verwandte Gebiete". VIII Leipzig. — München, 1928, c.398-405; J.Charpentier. — "Mond Oriental". Upsala, 1929, c.332-335.
To же на япон. яз.: Tokyo, Risōsha, 1957, с.175. Daijyō-Bukkyō-Gairon (Introduction to Mahāyāna Buddhism); transl. by S.Kanaoka, Risōsha. Tōkyō, 1957, с.191.
- 1929 г.
40. Abhisamayālankāra — prājñāparamitā — upadeśa — śāstra. The work of Bodhisattva Maitreya. Ed., expl. and transl. by Th.Stcherbatsky and E.Obermiller. Fasc.I. Introduction, Sanskrit Text and Tibetan Translation. L., Acad. of sciences of USSR, 1929, XII, 112 c. (Bibl. Buddh. XXIII, fasc.!).
Рец.: L. de la Vallée Poussin. — "Mélanges chinois et bouddhiques". Bruxelles, 1932, vol.I, с;404-406; 1935, vol.3, с.383-389.
41. Über den Begriff vijñāna im Buddhismus. — "Zeitschrift für Indologie und Iranistik". Leipzig, 1929, Bd 7, H.1, с.136-139.
42. Рец.: Ruben Walter. Die Nyāya-Sūtra's. Leipzig, 1928. — "Orientalistische Literaturzeitung". Leipzig, 1929, Jg.32, № 11, с.886-890.
- 1930 г.
43. The Buddhist logic. Vol.1-2. Л., АН СССР, 1930-1932 (Bibl. Buddh., XXI, XXVI).
Рец.: L. de la Vallée Poussin. — "Mélanges chinois et bouddhiques". Bruxelles, 1932, vol.1, с.413-415; 1935, vol.3, с.397: W.Ruben. — "Orientalistische Literaturzeitung". Leipzig, 1933, Jg.36, № 1, S.50; C.A.F.Rhys Davids. — "Journal of the Royal Asiatic soc.". L., 1934, p.2, Apr., c.361-364; P.Pelliot. — "T'oung Pao", 1-2. Leide, 1932, c.239-240; E.H.Johnston. — "Indian Antiquary". Sept. 1933, c.173; P.Masson-Oursel. — "Revue de l'Histoire des Religions", CVIII, Sept.-Dec., 1933, c.287; G.Tuccci. — "Bulletin of the School of Oriental Studies", VII, 4, с.967-971.
To же: Th.Stcherbatsky. Buddhist Logik. Vol.1-2. Den Haag, Mouton and C°, 1958, 1057 с. Photomechanic reprint.
Рец.: W.Kirfel. — "Orientalistische Literaturzeitung". B., 1961, Jg.56, Bd 7-8, с.411-415.
To же: Th.Stcherbatsky. Buddhist Logik. Vol.1-2. N.Y., Dover paper, 1962.
44. Dignaga's Theory of Perception. — "Journ. of the Taisho University". Tokyo, 1930, vol.VI-VII, с.89-130.
45. Записка об ученых трудах проф. М.Валлезера. — Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 года. Л., 1930, с.13-15. Библиогр. (Совместно с П.Коковцовым, В.В.Бартольдом и С.Ф.Ольденбургом).
46. Записка об ученых трудах М.С.Андреева. — Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 года. Л., 1930, с.1-3. Библиогр. (совместно с С.Ф.Ольденбургом, В.В.Бартольдом и И.Ю.Крачковским).
47. Записка об ученых трудах проф. Б.Я.Владимирцова. — Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 и 13 февраля 1929 года. Л., 1930, с.16-21. Библиогр.
48. Тибетский перевод Abhidharmakośakārikā и Abhidharmakośabhāṣyam сочинений Vasubandhu. Изд. Ф.И.Щербатской. Пг., Л., 1917-1930, t.1-2, V, 192 с. (Bibl. Buddh., XX).
Рец.: P.Pelliot. — "T'oung Pao", 1932, с.240; E.J.Thomas. — Journal of the Royal Asiatic Society, 1933, с.167.
49. Sphuṭārtha Adhidharmakośavyākhyā, the work of Yaçomitra, Second Koçasthāna. Ed. by prof. U.Wogihara and prof. Th.Stcherbatsky and carried through the press by E.E.Obermiller. Л., АН СССР, 1931, 96 с. (Bibl. Buddh., XXI).
Рец.: P.Pelliot. — "T'oung-Pao". Leide, 1932, с.259; E.J.Thomas. — "Journal of the Royal Asiatic Society of the Great Britan". L., 1933, с.259.
50. Burton. History of Buddhism (Chos-hbyung). P.1-2. Leipzig-Heidelberg, 1931-1932 (Materialen zur Kunde des Buddhismus. Hrsg. von M.Walleseer. H.18-19).
P. 1. The Jewelry of Scripture. Transl. from Tibetan by Dr. E.Obermiller. With an introd. by Th.Stcherbatsky. 187 с.
P. 2. The History of Buddhism in India and Tibet. Transl. from Tibetan by Dr. E.Obermiller. 232 с. Bibliogr.
Рец.: L. de la Vallée Poussin. — "Mélanges chinois et bouddhiques". Bruxelles, 1932, vol.3, с.364-366.

1932 г.

51. The Doctrine of the Buddha. — "Bul. of the School of Orient. studies". L., 1932, vol.6, p.4, c.867—896.

Эта статья написана Ф.И.Щербатским в опровержение взглядов Кейта на буддийскую доктрину (см.: A.B.Keith. The Doctrine of the Buddha. — "Bull. of the School of Orient. Studies". L., 1931, vol.6, p.2).

То же на франц. яз.: La doctrine du Buddha. — "Le Pensee bouddhique" (Bulletin des Amis du Bouddhisme). Oct. 1944, № 1, c.5—12; Janv. 1945, № 2, c.15—22.

1934 г.

52. The Buddhist Logic (Selbstanzeige). — "Rocznik Orientalistyczny". Lwów, 1934, t.10, c.179—185.

53. The "Dharma"s of the Buddhists and the "Gunas" of the Sāṃkhyas. — "The Indian Historical Quarterly". Calcutta, 1934, vol.10, № 4, c.737—760.

54. Die drei Richtungen in der Prilosophie des Buddhismus. — "Rocznik Orientalistyczny". Lwów, 1934, t.10, c.1—37.

55. Рец.: V.Bhattacharya. The Basic Conception of Buddhism. Calcutta, 1934. — "Indian Historical Quarterly", vol.10, № 4, c.737—760.

56. Miss. Alexandra Schneider, Professor I.P.Minayeff. The Russian Indologist 1840—1890. Prefactory Note by Prof. Th.Stcherbatsky. — "The Indian Historical Quarterly". Calcutta, 1934, vol.10, № 6, c.811—826.

57. С.Ф.Ольденбург как индианист. — Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882—1932). Л., 1934, с.15—23.

То же в кн.: Академик С.Ф.Ольденбург. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934, с.15—23.

То же: "Записки Ин-та востоковедения" (АН СССР). М.—Л., 1935, т.4, с.23—30.

1936 г.

58. Madhyānta — Vibhaṅga. Discourse on discrimination between Middle and Extremes, ascribed to Bodhisattva Maitreya and commented by Vasubandhu and Sthiramati. Transl. from the sanscr. (and the Tibetan) by Th.Stcherbatsky. M.—L., Acad. of sciences of USSR, 1936, VIII, 106, 058 c. (Bibl. Buddh., XXX).

Рец.: L. de la Vallée Poussin. — "Mélanges chinois et Buddhiques". Bruxelles, 1937, vol.5, c.271—273.

59. Obituary Notice of Dr. E.E.Obermiller. — "The Indian Historical Quarterly". Calcutta, 1936, vol.II, № 2, c.380—382. "Journal of the Greater Society". 1936, III, 2, c.211—213.

1969 г.

60. Papers of Th. Stcherbatsky. Trans. by Harish C.Gupta, ed. with an Introduction by Debiprasad Chattopadhyaya (Soviet Indological Series, № 2). Calcutta, 1969.

1971 г.

61. Further Papers of Stcherbatsky. Transl. by Harish C. gupta (Soviet Indological Series, № 6). Calcutta, 1971.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

1. Абхидхармакоса Васубандху, перевод на рус. яз. 1926 (?).
2. Nyāyavartikatātparyātīkā of Vācaspatimīcra. 1927. Подготовлена к печати совместно с А.И.Востриковым.
3. Nyāya-Kanika of Vācaspatimīśra. Перевод и анализ. 1930.
4. B.L.Atreya. The Philosophy of Vosistha. 1930 (отзыв на диссертацию по заданию Hindu University Benares).
5. Mahāya nosamuccaya. Перевод с тибетского. 1934.
6. On the Buddhist Sect of the Yogācāras. 1934 (предназначалась для журнала "Indian Historical Quarterly").
7. Buddhist Ideologia. 1934 (монографическое исследование и комментированный перевод основополагающих текстов школы йогачаров).
8. Основные течения тибетской философии. 1935 (монографическое исследование, совместно с А.И.Востриковым).
9. Отзыв о научных трудах проф. А.И.Вострикова. 1936.
10. Грамматика тибетского языка, 1936 (совместно с А.И.Востриковым).
11. Madhyānta-vibhaṅga. Сочинение Maitreya. Ч.II, 1936.
12. Исследование долга (Vidhiviveka). Сочинение Манзанамиши с толкованием на него Вачаспатимишры, /б.г./ (предназначалось для серии "Памятники индийской философии", т.II).
13. Учебник философии буддизма. Сочинение Васубандху, /б.г./ (предназначалось для серии "Памятники индийской философии", т.III).
14. Sambanandhaparīkṣāprakarana. Исследование логической связи. Сочинение Джхармакирти, /б.г./.
15. Pramāṇavartika. Добавление к сочинению Дигнаги об источниках познания, /б.г./.
16. Laghu-Siddhānta-Kaśmudī. Трактат по санскритской грамматике. Сочинение Варадараджи (классический труд, изложенный согласно индийским грамматическим традициям), /б.г./.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О Ф.И.ЩЕРБАТСКОМ

1. Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского. — "Известия Рос.АН". Пг., 1918, сер.6, № 16, с.1712—1724. Авторы: С.Ф.Ольденбург, П.Коковцев, Н.Я.Марр, В.В.Бартольд.
2. То же в кн.: "Азиатский сборник" из "Известий Рос.АН". Новая серия. Пг., 1918, с.1712—1724.
3. П.Риттер. Щербатской Ф.И. — Энциклопедический словарь "Гранат". М., 1932, т.50, стлб.573—574.
4. С.Ф.Ольденбург. Щербатской Федор Ипполитович. — Большая Советская Энциклопедия. Изд.1. Т.62. М., 1933, с.797—798.
5. Fedor Uppolitovich Stecherbatsky (Obituary Notices). — "Journ. of the Royal Asiatic Soc.". L., 1943, p.1, с.118—119.

5. В.И.Кальянов. Академик Федор Ипполитович Щербатской. — "Известия АН СССР". Отд-ние лит-ры и языка. М., 1946, т.5, вып.III, с.244—252.
6. Ленинградский университет за Советские годы. 1917—1947. Очерки. Л., 1948, с.340—341.
7. *Rahul Sankrityayan. Sahitya nibandhavali*, 2nd ed. Allahabad, Kitab mahal, 1949 (на яз. хинди).
8. D.N.Shastrī. Contribution of Th.Stcherbatsky to Indian philosophy. — "The Modern Review". Calcutta, 1953, vol.93, № 2, c.117—120.
То же: КСИНА. М., 1958, вып.XXVIII, с.75—80 (сокращенный перевод).
9. *Narendradevi Acharya. Baudhadharma-darshan. Patna Bihar rastrabhasa parishad*, 1956, с.296—306 (на яз. хинди).
10. Н.П.Аникеев. Выдающийся русский индолог Ф.И.Щербатской (1866—1942). К 15-летию со дня смерти. — "Вестник истории мировой культуры". М., 1957 № 2, с.241—245.
11. Ф.И.Щербатской. — Большая Советская Энциклопедия. Изд.2. Т.48. М., 1957, с.265.
12. *Rahul Sankrityayan, Jin ka main kritajna*. Allahabad, Kitab mahal, 1957, с.195—199 (на яз. хинди).
13. *Rahul Sankrityayan. Puratattva nibandhavali*, 2nd ed. Allahabad Kitab mahal, 1958, с.246 (1st ed.: Prayang, Indian press, 1937) (на яз. хинди).
14. И.М.Кутасова. Буддийская философия и логика в трудах академика Ф.И.Щербатского. — "Сов. востоковедение". М., 1958, № 3, с.136—143.
15. /В.И.Кальянов/, Ф.И.Щербатской. /Описание архивного материала/ (Фонд 725). — "Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов". Т.4. М.—Л., 1959, с.271—276.
16. Ф.И.Щербатской (1866—1942). — "Соврем. Восток". М., 1960, № 7, с.13 с портр.
17. "Библиотека буддика". — "Курьер ЮНЕСКО". М., 1960, № 3, с.34.
18. Н.В.Лобанова. Кафедра индийской филологии. — "Ученые записки ЛГУ", № 296, серия востоковедческих наук, вып.13. Л., 1960, с.85—86.
19. В.И.Кальянов. Памяти Ф.И.Щербатского. — "Вестник АН СССР". М., 1962, вып.9, с.150—151.
20. В.П.Лучина. Изучение буддийской философии в России. — "Научн. докл. высш. школы" (философские науки). М., 1962, № 2, с.112—121.
21. *Gaurangagopal Sengupta. Videsiya Bharat-vidya Pathik; Calcutta, Contemporary publishers*, 1964, с.275—276 (на яз. бенгали).
22. К.Кудров. Выдающийся советский ученый. — "Известия", 6.XII.1966, с.3.
23. Вяч. Вс. Иванов. Федор Ипполитович Щербатской (к столетию со дня рождения). — "Народы Азии и Африки". 1966, № 6, с.147—150.
24. Fedor Ippolitovich Shcherbatskoi. Birth Centenary 1866—1966 (A Brief Biographical note). National Library. Calcutta, 1966.
25. А.Н.Зелинский. Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан. — Страны и народы Востока. Вып. 5. Индия — страна и народ. М., 1967, с.236—257.
26. В.И.Кальянов. 100 лет со дня рождения академика Ф.И.Щербатского. — "Вестник АН СССР". М., 1967, № 2, с.111—113.
27. К столетию со дня рождения академика Ф.И.Щербатского (1866—1942 гг.). — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, 1968, с.3—7.
28. Материалы сессии, посвященной столетию со дня рождения Ф.И.Щербатского. — Индийская культура и буддизм. М., 1972, с. 5—50.
29. К.К.Жоль. О творческом наследии Ф.И.Щербатского. — Философские науки. 1985, № 2, с.123—131.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г.М. Бонгард-Левин.</i> Предисловие	3
<i>Б.В. Семичов, А.Н. Зелинский.</i> Академик Федор Ипполитович Щербатской	15
<i>Библиография трудов Ф.И. Щербатского и основная литература о нем</i>	42

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

<i>БУДДИЙСКАЯ ЛОГИКА. ВВЕДЕНИЕ. Пер. В.И. Рудого</i>	54
§ 1. Что такое буддийская логика	54
§ 2. Место логики в истории буддизма	56
§ 3. Первый период буддийской философии	56
§ 4. Второй период буддийской философии	60
§ 5. Третий период буддийской философии	64
§ 6. Место буддийской логики в истории индийской философии	66
1) Материализм	68
2) Джайнизм	69
3) Система санкхья	71
4) Система йога	73
5) Веданта	74
6) Миманса	75
7) Система ньяя-вайшешика	77
§ 7. Буддийская логика до Дигнаги	80
§ 8. Жизнь Дигнаги	84
§ 9. Жизнь Дхармакирти	87
§ 10. Сочинения Дхармакирти	90
§ 11. Порядок глав в "Прамана-вартike"	91
§ 12. Филологическая школа комментаторов	92
§ 13. Кашмирская, или философская, школа комментаторов	93
§ 14. Третья, или религиозная, школа комментаторов	95
§ 15. Послебуддийская логика и борьба реализма и номинализма в Индии	100
§ 16. Буддийская логика в Китае и Японии	105
§ 17. Буддийская логика в Тибете и Монголии	107
ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ БУДДИЗМА И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА "ДХАРМА"	
<i>Пер. Б.В. Семичова</i>	112
I. Введение	112
II. Skandha	116
III. Āyatana	117
IV. Dhātu	119

V. Чувственные элементы	120
VI. Элементы духа	123
VII. Силы	128
VIII. Несубстанциональность элементов	131
Anātman	132
IX. Pratītya-samutpāda (причинность)	134
X. Карма	137
XI. Непостоянство элементов	141
XII. Непостоянство у санкхья-йоги	146
XIII. Волнение элементов	150
XIV. Теория познания	155
XV. Добуддийский буддизм	163
XVI. Заключение	169
Приложение I	171
Приложение II	187
КОНЦЕПЦИЯ БУДДИЙСКОЙ НИРВАНЫ. Пер. Б.В. Семичова, А.Н. Зелинского	199
Предисловие	199
I. Введение	200
II. Буддизм и йога	200
III. Мистическая интуиция (yogi-pratyakṣa)	214
IV. Вера Будды в личное бессмертие	218
V. Был ли Будда агностиком?	219
VI. Позиция позднейших школ хинаяны	221
VII. Двойственный характер абсолюта	224
VIII. Вайбхашики	225
IX. Саутрантики	228
X. Йогачары	230
XI. Мадхьямики	234
XII. Учение о причинности в хинаяне	238
XIII. Видоизменение этого учения в махаяне	240
XIV. Учение об относительности	241
XV. Истинно вечный Будда, познаваемый мистической интуицией	243
XVI. Новая концепция нирваны	245
XVII. Относительна ли сама относительность	248
Признание несостоятельности логики для познания абсолюта	248
XVIII. Параллельное развитие буддизма и брахманизма	250
XIX. Европейские параллели	250
XX. Позиция школы няяя-вайшешика	253
XXI. Заключение	260
B.H. Тогоров. КОММЕНТАРИЙ. К буддологическим исследованиям Ф.И. Щербатского	263
Сокращения	420

ФЕДОР ИППОЛИТОВИЧ ЩЕРБАТСКОЙ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО БУДДИЗМУ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор И.С.Лесных
Младший редактор О.А.Осипова
Художник Л.С.Эрман
Художественный редактор Б.Л.Резников
Технический редактор Е.А.Пронина
Корректор Т.А.Алаева

ИБ № 16296

Сдано в набор 27.05.85
Подписано к печати 19.04.88
Формат 60×90¹/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 27,0. Усл. кр.-отт. 27,125
уч.-изд. л. 33,97. Тираж 20000 экз. Изд. № 1921
Зак. 1594. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

Отпечатано во 2-й типографии издательства "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6